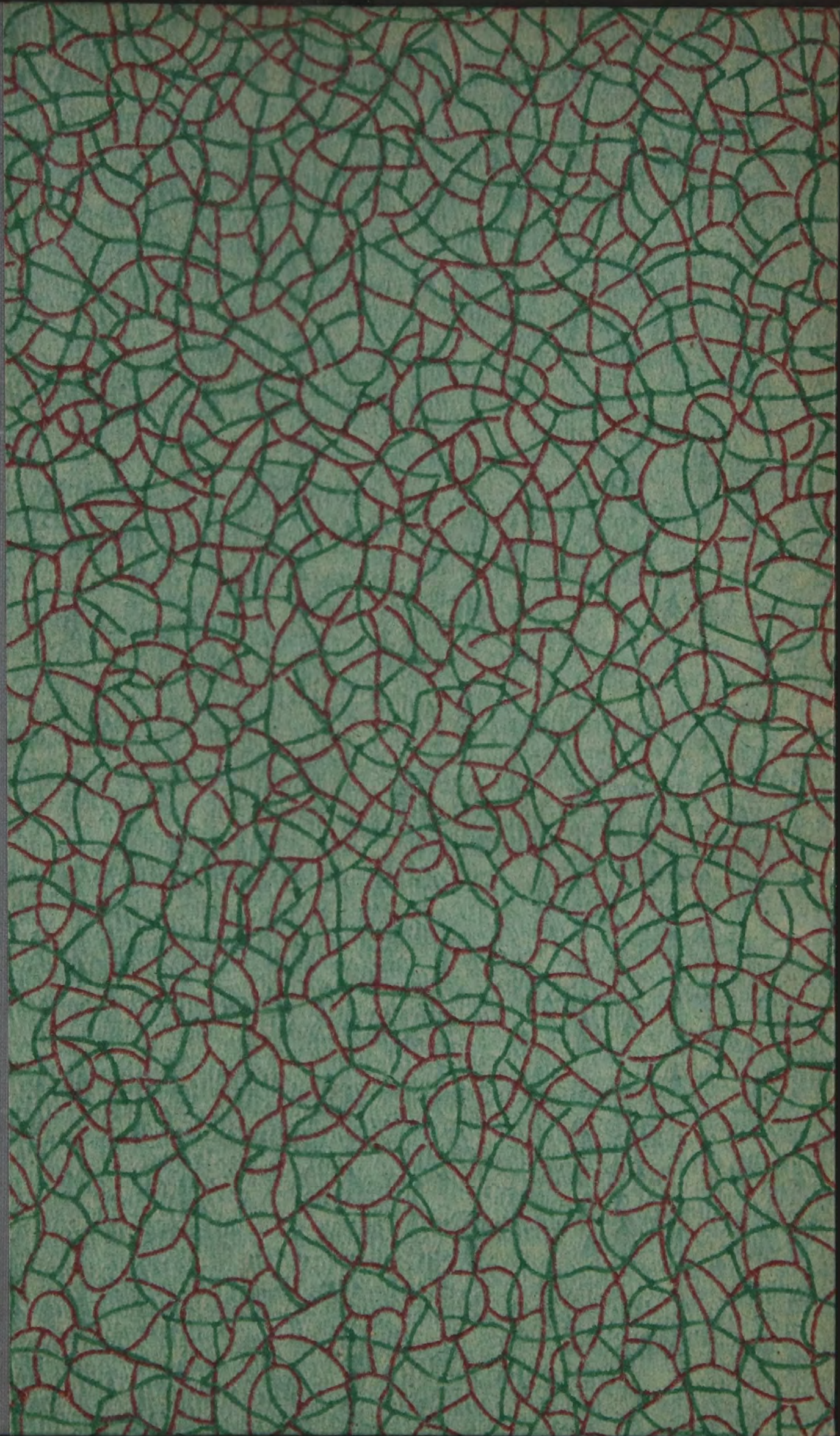

2899

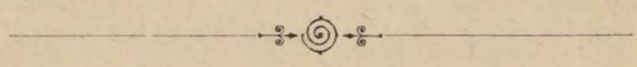
32899

С. Добрянскій.

Учен. зап. М. Музея въ память
Цесаревича Николая
Вып. 4^и. Москва 1910.

КЪ ИСТОРИИ
СНОШЕНІЙ РАГУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СЪ РОССІЕЙ
ВЪ XVIII и XIX вѣкахъ.

[НА ОСНОВАНИИ АРХИВНЫХЪ АКТОВЪ].

33

И. К. Ф.

87654

Трудъ В. Макушева „Матеріалы для Исторіи Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской Республикой“. Москва 1865, поставившаго своею цѣлью изданіе документовъ, относящихся къ исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской республикой — заключаетъ въ себѣ акты найденные авторомъ въ Рагузской библиотекѣ среди ея рукописей.

Акты Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, имѣющіе отношеніе къ разсматриваемому вопросу и представляющіе несомнѣнный интересъ—въ трудъ В. Макушева не вошли.

Разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ актовъ въ связи съ тѣмъ, что нашель и описаль В. Макушевъ—и служитъ предметомъ настоящаго краткаго очерка.

БОСНІЯ

РАГУЗСКАЯ РЕСПУБ. И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ.

----- Владѣнія Рагузы.

ГЕРЦЕГОВИНА

ЧЕРНОГОРИЯ

АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ

32899

87654

I.

Начало сношеній Россіи съ Рагузскою Республикой и самое содержаніе многихъ документовъ, касающихся этихъ сношеній, столь тѣсно связаны съ оригинальнымъ характеромъ самой республики, что, приступая къ изложенію темы, необходимо бросить хотя бы бѣглый взглядъ на исторію этой маленькой Венеціи Далматинскаго побережья¹⁾.

Съ приблизительною точностью возникновеніе Рагузы можно отнести къ 656 году по Р. Х. Около этого времени жители Эпидавра²⁾, спасаясь отъ опустошительныхъ набѣговъ дикихъ племенъ, обитавшихъ въ горахъ—спустились къ самому морю и тутъ на большой, выдававшейся изъ очертаній берега скалѣ, вынуждены были остановиться, такъ какъ дальше бѣжать было некуда.

Въ половинѣ VII вѣка къ этому пункту прибыло еще нѣсколько бѣглецовъ,—это были жители Салоны. Общими силами прежніе и новые пришельцы выстроили городъ, обнесли его стѣнами и назвали его Лаузой³⁾ по имени той скалы, которая служила базисомъ вновь родившемуся городу.

Основатели Рагузы, благодаря своему романскому проношенію принесли съ собою романскій элементъ⁴⁾, культуру, стоящую на извѣстной ступени развитія и христіанскую религію, которую еще въ Эпидаврѣ проповѣдалъ имъ ап. Павелъ.

Съ VII вѣка начался приливъ въ Рагузу славянскаго элемента, что находитъ себѣ объясненіе во-первыхъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ рагузинцевъ съ окрестными славянами, во-вторыхъ и, главнымъ образомъ, въ приобрѣтеніи Рагузою бли-

¹⁾ Подробнѣе: Engel. „Geschichte des Freistaates Ragusa“. 1805.

²⁾ Современный Цавтатъ, Рагуза Веккіа. (См. карту).

³⁾ Lausa-Rausa-Rahusa-Ragusa.

⁴⁾ Подробнѣе: Ireček. „Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters“.

жайшихъ прибрежныхъ острововъ. Съ 1151 года по 1429 г. къ Рагузѣ отошли: острова—Meledo (Млетъ), Lagosta (Ластова); у Босніи куплены — Sabbioncello (Пелешаць), Stagno (Стонъ). Затѣмъ приобрѣтены Приморье, островъ Kurcole (Корчула), Lesino (Хварь) и Brazza (Брачь) ¹⁾.

Такое быстрое расширеніе владѣній надо приписать умѣлой политикѣ республики, согласно которой она старалась поддерживать добрыя отношенія со всеми окружающими ее сосѣдями. Это доброе расположеніе Рагуза въ то же время умѣла учитывать въ свою пользу, что и приносило ей многочисленныя выгоды.

Блестящая сосѣдка Рагузы — Венеція оказала на молодой городъ сильное вліяніе. Государство Рагузской республики явилось копіей Венеціанскаго Государственнаго строя и вылилось въ форму статута 1272 года, по которому въ Рагузѣ различалось 3 сословія: 1) нобили патрици, 2) горожане (*cives seu populares*), 3) поселяне.

Вся власть находилась преимущественно въ рукахъ нобилей, изъ которыхъ каждый, по достиженіи 18 лѣтъ, вступалъ въ Большой Совѣтъ: („*Consiglio Maggiore*“), который назначалъ должностныхъ лицъ, утверждалъ законы и рѣшалъ дѣла. 20 членовъ Большого Совѣта составляли Сенатъ (*Consiglio dei Pregati*), 7 сенаторовъ составляли Малый Совѣтъ (*Consiglio Minore*) ²⁾. Уже въ IX вѣкѣ Рагуза обладала такимъ солиднымъ флотомъ, что съ его помощью могла вести торговлю съ отдаленными странами тогдашняго торговаго міра ³⁾. Съ 831 года республика уже начала заключать торговые договоры, число которыхъ впоследствии возрасло до крупной цифры. Рагуза торговала съ Босніей, Апуліей, Сициліей, Византіей, Болгаріей и Венгріей. Въ 1170 году рагузскіе купцы получили право гражданства въ Византіи. Затѣмъ торговля велась въ Англии, Египтѣ, Мессинѣ, гдѣ рагузинцы также получили право гражданства; въ сѣверныхъ городахъ Италіи, во Франціи. Въ Венеціи рагузскіе купцы получили гражданство въ 1358 году и торговые обороты ихъ въ этомъ городѣ были столь значительны, что за частью набережной, влѣво отъ Палаццо Дожей, было удержано обычаемъ названіе „*Riva dei Schiavoni*“.

¹⁾ См. карту.

²⁾ Макушевъ. „Адриатическіе Славяне“.

³⁾ „*Quae maria Ragusini mercatores non navigant? quas terras ii non permeant, quae loca tam abdita et remotissima, ad quae non accedunt et penetrant?*—Павель Ангель. *Apud Cervam Prolegom Ms. № 228 p. 167.* Макушевъ. „Славяне Адриатич. побер.“.

Торговля была единственнымъ источникомъ существованія миниатюрной республики и за право этой торговли она боролась до конца своего существованія.

Золотой вѣкъ, переживаемый каждымъ государствомъ, пережить былъ и Рагузой. Успѣхи въ торговлѣ, матеріальная обеспеченность и отсутствіе необходимости опасаться за будущее — все это дало широкій просторъ духовному развитію Рагузы. XV и XVI вѣкъ можно считать расцвѣтомъ республики во всѣхъ отношеніяхъ. Во всѣхъ отрасляхъ науки, начиная съ математики и кончая медициной, Рагуза выдвинула много гениальныхъ лицъ, и такія имена, какъ Гетальди¹⁾, Баливій²⁾ и Бандури³⁾ считались авторитетами въ Европѣ; къ поэмамъ и канцонеттамъ блестящей плеяды рагузскихъ поэтовъ прислушивалась музыкальная Италия и произведенія изящныхъ искусствъ, нашедшихъ пріютъ въ Рагузѣ, по достоинству оцѣнивались современниками.

Вслѣдъ за золотымъ вѣкомъ на Рагузу стали обрушиваться тяжелые удары, которые въ концѣ концовъ подорвали ея благосостояніе. Первымъ ударомъ была потеря почти всѣхъ кораблей, что явилось печальнымъ послѣдствіемъ неудачнаго участія въ Испанскихъ войнахъ. Вслѣдъ за этимъ въ 1667 году весь городъ былъ исковерканъ землетрясеніемъ, причинившимъ немалыя потери. Отъ двухъ этихъ ударовъ Рагуза оправиться уже не могла.

Многія богатые семейства были разорены окончательно; это разореніе во многихъ случаяхъ близко граничило съ полною нищетой, слѣдствіемъ чего явился повсемѣстный голодъ и требованія голодающихъ не могли быть удовлетворены изъ средствъ республики — она сама была почти нищей. Началась эмиграція. Опытные моряки въ поискахъ за работой, разбрелись по Европѣ, гдѣ знанія ихъ были вскорѣ оцѣнены и они съ охотою принимались на военные и торговые судна. Около этого времени на дальнемъ сѣверѣ Европы зарождалась новая морская сила и только что родившійся по волѣ Петра I молодой русскій флотъ нуждался въ опытныхъ корабельщикахъ, которыхъ могла доставить Рагуза.

На первыхъ страницахъ исторіи русскаго флота мы можемъ встрѣтить имя рагузинца Флорія Беневени⁴⁾, оставившаго свою

1) Гетальди — первый установилъ методъ примѣненія алгебры къ геометріи.

2) Баливій — извѣстенъ замѣчательными работами въ области медицины.

3) Бандури (Ансельми) — первый почетный членъ французск. академіи наукъ.

4) Свѣдѣнія о немъ очень скудны.

родину для службы въ Россіи. Успѣхи Флорія Беневени привлекли на русскую службу множество другихъ его соотечественниковъ, имена которыхъ трудно возстановить съ точностью; по всей вѣроятности они первые познакомили Петра съ Рагузой, на которую онъ, живо всѣмъ интересовавшійся, не могъ не обратиться своего вниманія.

Въ этомъ отношеніи нельзя пройти мимо одной довольно загадочной личности, игравшей, повидимому, значительную роль въ сношеніяхъ Петра I съ Адриатическими и Балканскими славянами и Турціей. Въ „Обзорѣ внѣшнихъ сношеній Россіи“ Бантышъ - Каменскаго читаемъ слѣдующее: „1702 годъ. По данному въ бытность російскаго въ Константинополь посла стольника князя Дмитрія Михайловича Голицына, проѣзжему листу (отъ 27-го сент. 1701 г.) пріѣхалъ Ноября 6 въ Азовъ изъ Царяграда торгующій тамъ венеціанскій грекъ, или лучше сказать, рагузинецъ Савва Владиславичъ сынъ Рагузинскій, съ деревяннымъ масломъ и т. д. а съ нимъ грекъ кавалеръ графъ Мандинарій въ Россійскую службу“.

По прошествіи нѣкотораго времени мы видимъ, что Савва Владиславичъ уже несетъ нѣкоторую службу и исполняетъ порученія, напримѣръ ѣдетъ къ послу Толстому въ Константинополь съ 500 соболями ¹⁾ и т. д. Такъ какъ такія порученія Владиславичъ исполнялъ, повидимому аккуратно — то Петръ часто награждалъ его то деньгами, то домами ²⁾.

Имѣя возможность непосредственно сноситься съ Петромъ, Савва неоднократно указывалъ царю на необходимость обратить вниманіе на балканскихъ славянъ и увѣрялъ въ наличности выгодъ отъ сближенія Россіи съ ними въ виду грядущихъ столкновеній съ турками.

Вполнѣ соглашаясь съ Владиславичемъ, Петръ сознавалъ необходимость точки опоры на Адриатическомъ морѣ и совѣты Саввы имѣли успѣхъ, выразившійся въ томъ, что съ этого момента начались сношенія Россіи съ Рагузой.

I.

Первымъ документомъ, указывающимъ на возникшія сношенія надо считать рекомендательную грамоту отъ Рагузской

¹⁾ Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. Бантышъ-Каменскій.

²⁾ Ibid.

республики, врученную Русскому правительству рагузинцемъ Геронимомъ Марино. Объ этой грамотѣ Бантышъ говоритъ:

„1709 годъ. 1 августа шляхтичъ Геронимъ Марино подалъ отъ республики рагузской рекомендательную о себѣ грамоту“¹⁾.

Трудно выяснитъ о чемъ хлопоталъ Марино, можно только засвидѣтельствовать фактъ подачи грамоты Русскому правительству.

О слѣдующемъ фактѣ сообщаетъ тотъ-же Бантышъ:

„11..... сентября данъ ему (Владиславичу) дипломъ отъ республики Рагузской на графство, съ засвидѣтельствомъ, что онъ отъ знатнѣйшихъ предковъ происходитъ сербскихъ, и что родитель его былъ графъ Дука Владиславичъ“.

Несмотря на то, что Савва Владиславичъ переселился въ Россію, у него оставалась сильная связь съ Рагузой, гдѣ его близко знала большая часть сенаторовъ и находились его обширныя имѣнія. Зная объ этой связи и принимая также во вниманіе расположеніе Петра къ Владиславичу сенатъ рѣшилъ даровать этому послѣднему титулъ графа, разсчитывая на то, что такой поступокъ обезпечитъ Сенату расположеніе Русскаго царя.

Какъ отнесся къ этому Петръ, трудно выяснитъ, но Савва съ этого времени сталъ фигурировать уже съ титуломъ графа.

Въ началѣ февраля 1716 года гр. Владиславичъ просилъ Петра дать ему отпускъ въ Италію и на родину, а для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, могущихъ произойти въ дорогѣ—просилъ также два рекомендательныхъ письма—одно въ Венецію, а другое въ Рагузу. Характерно то, что Савва къ послѣдней просьбѣ присоединилъ слѣдующую: „писать въ оныхъ (грамотахъ рекоменд.) фамилію его Иллирійскій графъ Владиславичъ, а не Рагузинскій“.

Въ это время Петръ находился въ Пирмонтѣ откуда и написалъ два письма, одно въ Рагузу, другое въ Венецію, которыя и были вручены гр. Саввѣ Владиславичу. Письмо въ Рагузу было слѣдующаго содержанія:

„Понеже нашъ надворный совѣтникъ Иллирійскій графъ Савва Владиславичъ отъѣзжаетъ въ Рагузу, какъ для свиданія тамъ со своими родственниками, такъ и для домашнихъ своихъ дѣлъ, которому мы притомъ нѣкоторыя принадлежащія туда дѣла поручили, того ради помянутаго нашего графа Вашей Свѣтлости прилежно рекомендовать за благо мы разсудили, дабы не

1) „Обзоръ внѣшн. снош. Россіи“.

токмо во всѣхъ мѣстахъ въ Вашей области свободно и безъ всякаго препятствія пребывать ему было дозволено, но дабы также во всѣхъ случаяхъ покровительство и всякое вспоможеніе въ справедливыхъ требованіяхъ его и желаніяхъ чинить ему благоволено было. Что мы за знакъ Вашего къ намъ оказуемаго усердія почитать будемъ и подданнымъ Вашимъ въ равныхъ случаяхъ взаимно въ Имперіи нашей воздавать будемъ. Впрочемъ, Вашей свѣтлости желаемъ здравія, великую дружбу и доброжелательство къ Вамъ всегда сохраняя ¹⁾. Данъ въ Пирмонтѣ 14-го іюня 1716 года, въ царствованіе нашего 35.

Петръ.

(Подлинникъ на латинскомъ языкѣ).

Съ этимъ письмомъ гр. Владиславичъ отправился въ Рагузу и ноября 1717 г. Сенатъ Рагузскій писалъ Петру:

„Благоволительное Вашего Императорскаго Величества писаніе черезъ надворнаго совѣтника Вашего Графа Савву Владиславича исправно мы получили, изъ чего признаваемъ, что въ особливомъ Вашемъ содержать насъ изволите решпехтѣ, который мы со всякимъ глубочайшимъ воспріавъ почтеніемъ такъ благопріятны есьмы, что рѣчь Посполитая за особливую себѣ честь почитаетъ предоставить всегда нижайшія услуги свои Вашему Царскому Величеству, и какъ мы дѣла Вашего Величества въ особливомъ имѣемъ почтеніи, такъ и посланныхъ отъ Вашего Величества надлежащимъ образомъ почитаемъ и желаемъ сіе имѣть щастіе вящши опыты услугъ нашихъ Вашему Царскому Величеству доволнѣйше предоставить. Впрочемъ, надѣмся, что о всякой склонности нашей на его требованія явленной самъ графъ Владиславичъ, мужъ премудрости и чести изящнѣйшей, донесетъ Вашему Величеству. А при семъ желаемъ Вашему Величеству отъ Господа Бога многолѣтія и здравія и всѣхъ насъ Вашему Величеству со всякой униженностью прилежно рекомендуемъ ²⁾. Данъ въ Рагузѣ 10 ноября 1717 г. Державнѣйшаго Вашего Царскаго Величества нижайшіе и покорнѣйшіе слуги: Ректоръ и совѣтникъ Рѣчи Посполитой Рагузинской“.

Несмотря на то, что оба письма содержали въ себѣ различныя обѣщанія, что въ особенности можно сказать о письмѣ Рагузскаго Сената къ Петру, въ самомъ непродолжительномъ времени возникло недоразумѣніе между гр. Владиславичемъ и республикой.

¹⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Акты о Рагузѣ.

²⁾ Ibid.

Живя въ Россіи гр. Савва Владиславичъ, какъ мы видѣли выше, поддерживалъ нѣкоторыя связи съ Рагузой. Въ самомъ городѣ у него было нѣсколько домовъ, а частые пріѣзды на долгое время, задерживавшіе его въ Рагузѣ, подали ему въ концѣ концовъ мысль построить въ одномъ изъ своихъ палаццо православную церковь.

Для содѣйствія въ этомъ дѣлѣ онъ обратился къ Петру, который и не замедлилъ отправить въ Рагузскій Сенатъ письмо съ просьбой разрѣшить гр. Саввѣ построить православную церковь при его домѣ.

Добрыя отношенія Сената къ Петру и связь истинной дружбы между гр. Саввою Владиславичемъ и многими сенаторами были повидимому достаточнымъ залогомъ для исполненія просьбы о церкви—тѣмъ не менѣе случилось то, чего никто не ожидалъ:—Сенатъ отказалъ въ просьбѣ категорически. Отказомъ этимъ гр. Савва былъ такъ огорченъ, что оставилъ Рагузу и уѣхалъ въ Бокко ди Каттаро ¹⁾.

Такой безпричинный повидимому отказъ все же долженъ былъ имѣть какое-нибудь основаніе, такъ какъ простая нелюбезность со стороны рагузскаго правительства могла повлечь за собою очень нежелательныя послѣдствія.

Разгадка случившагося недоразумѣнія кроется въ историческомъ прошломъ Рагузы, которое не лишено нѣкотораго интереса.

Въ 1219 году посѣтилъ Рагузу св. Францискъ Ассизскій. Жители города встрѣтили его необычайно торжественно и щедро одарили его всѣмъ необходимымъ для продолженія его путешествія. Растроганный пріемомъ Францискъ благословилъ городъ и предсказалъ, что погибнетъ онъ только тогда, когда дастъ пріютъ какой-нибудь не католической религіи. Поэтому онъ убѣждалъ рагузинцевъ свято хранить свою религію и оберегать городъ отъ иновѣрческихъ элементовъ ²⁾.

Завѣтъ Франциска рагузинцы рѣшили исполнять ревностно, что и выразилось въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ къ тому, чтобы исключить изъ области Рагузы самую возможность существованія другой религіи кромѣ католической. Раньше всего это отразилось на законахъ: „Nemo plane ragusinus, nemo

¹⁾ Макушевъ. „Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузой“. Стр. 7, 8 и 9.

²⁾ Макушевъ. „Матеріалы“... (Bohman. Storia civile et ecclesiastica della Dalmazia etz. Venezia 1775, tomo II, p. 191—197).

cliens, nemo popularis, aut subditus censeatur, nisi qui Catholicam Fidem Romano ritu observetur et profitetur“¹⁾.

Затѣмъ были употреблены всевозможныя средства для того, чтобы обратить православное населеніе окружающихъ областей въ католичество, что въ самомъ непродолжительномъ времени и было достигнуто²⁾.

Наконецъ въ 1434 году произошелъ случай, имѣвшій много общаго съ вышеописаннымъ недоразумѣніемъ между гр. Саввою Владиславичемъ и Сенатомъ.

Жена Сандаля Хранича, Хлумскаго князя, просила Сенатъ позволить ей построить въ окрестности Рагузы православную церковь, въ каковой просьбѣ Сенатъ отказалъ рѣшительно.

Такое постоянное наблюденіе за тѣмъ, чтобы ни одна ино-вѣрческая религія не нашла себѣ пріюта на Рагузской территоріи толкало Сенатъ на довольно рѣшительные и рискованные шаги, которые мало соотвѣтствовали тону вышеприведеннаго письма къ Петру и могли вредно отозваться на самихъ интересахъ республики.

Отказъ Сената гр. Владиславичу указывалъ на то, что рагузинцы не могли или не хотѣли такъ быстро порвать со своимъ прошлымъ; не совсѣмъ прочное положеніе республики въ описываемый періодъ могло сдѣлать гражданъ ея склонными къ суевѣрію, въ которомъ тревожное настроеніе ихъ искало защиты, и это послѣднее предположеніе становится близкимъ къ истинѣ; если заглянуть въ дальнѣйшую исторію республики, то можно замѣтить, что въ критическія минуты Рагуза вспоминала древнее пророчество и со страннымъ рвеніемъ защищала свою религіозную изолированность, не обращая вниманія ни на что другое, и дѣлая въ этомъ отношеніи непоправимыя ошибки, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Какъ бы то ни было, но отказъ Сената на этотъ разъ не повлекъ за собою никакихъ осложнений. Петръ, повидимому, не обратилъ вниманія на небольшую неприятность и она не могла омрачить добрыхъ отношеній между Царемъ и республикой.

Такое спокойствіе во взаимныхъ отношеніяхъ сохранялось въ теченіи полустолѣтія; но въ послѣдствіи возникли новыя недоразумѣнія, самый характеръ которыхъ помимо ихъ серьез-

¹⁾ Приводитъ Макушевъ согласно съ: *Cervae Prolegomena in Sacram Metropolim Ragusinam*, edita 1744. Рукопись. Франциск. библиот. № 228 cap. XIX, p. 194.

²⁾ Стонь, Конавле и др. Населеніе этихъ мѣстностей обращено въ католичество въ 1333 и 1729 г.

ности, оказавъ значительное вліяніе на дальнѣйшую исторію республики.

II.

Политическія событія въ Польшѣ, разыгравшіяся въ концѣ XVIII столѣтія въ значительной мѣрѣ повліяли на отношенія между Россіей и Турціей, такъ какъ эта послѣдняя нашла нужнымъ вступить за Польшу, ожидавшую отъ такого заступничества большихъ выгодъ.

Вмѣшательство это, конечно, не могло не повлечь за собою большихъ осложненій: въ сентябрѣ 1767 года вспыхнула война между Россіей и Турціей и самый фактъ этой войны поставилъ республику въ безвыходное положеніе благодаря комбинаціи политическихъ обстоятельствъ.

Очутившись между двумя воюющими сторонами, Рагуза вынуждена была выбрать одно изъ двухъ: или строго выполнять требованія нейтралитета, или открыто перейти на чью нибудь сторону. Нейтралитетъ былъ невыгоденъ для нея въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ она многимъ была обязана Турціи¹⁾, которая могла истолковать каждый отказъ отъ услугъ въ дурную сторону, во вторыхъ, тяжелыя финансовыя условія требовали постоянныхъ и обширныхъ торговыхъ оборотовъ, пріостановка которыхъ на время войны могла повлечь за собою печальныя послѣдствія для республики.

Оставалось искать покровительства у какой нибудь изъ двухъ воюющихъ сторонъ. Этотъ выборъ требовалъ большой осторожности и дальновидности. Искать покровительства можно было лишь у той стороны, успѣхъ которой въ предстоящей войнѣ былъ-бы обезпеченъ, а такой успѣхъ рагузскіе дипломаты склонны были приписывать Турціи, могущество которой казалось имъ весьма реальнымъ, по крайней мѣрѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Выборъ этотъ, однако не могъ быть рѣшительнымъ, такъ какъ упадокъ могущества Порты, обнаружившійся затѣмъ въ результатахъ войны, не могъ быть тайной для опытныхъ дипломатовъ Рагузы и опереться на видимое преимущество Турціи съ безопасностью для себя они не могли.

¹⁾ Самостоятельность Рагузы была довольно призрачна: въ описываемую эпоху она являлась вассаломъ Турціи съ обязанностью платить ежегодную дань.

Эти колебанія въ рагузской политикѣ въ теченіе послѣдовавшей войны придали дѣйствіямъ республики особый характеръ, а характеръ этихъ дѣйствій, въ свою очередь сыгралъ очень печальную роль во всей дальнѣйшей исторіи Рагузы.

Согласно намѣченному плану Россія должна была открыть военныя дѣйствія съ суши и съ моря одновременно, поэтому армія подъ предводительствомъ Румянцева двинулась къ сѣверо-восточной границѣ Турціи, а гр. Орловъ во главѣ эскадры былъ отправленъ въ Архипелагъ.

Недоразумѣнія между Рагузой и русскимъ правительствомъ произошли до прибытія русской эскадры въ Средиземное море. Рагузскій консуль въ Генуѣ обратилъ вниманіе тамошняго правительства на то, что въ Генуэзскомъ порту вооружается русское судно, а такъ какъ правительство не приняло тотчасъ же никакихъ мѣръ по поводу этого факта, то вышеупомянутый консуль потребовалъ секвестра русскаго судна. При разборѣ дѣла оказалось, что хозяева судна купцы и вооружились единственно съ тою цѣлью, чтобы защититься отъ нападеній пиратовъ, и что къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ Россіи не имѣютъ никакого отношенія. Это показаніе значительно осложняло дѣло, однако рагузскій консуль продолжалъ настаивать на исполненіи своего требованія и оно, въ концѣ концовъ, было исполнено. Этотъ фактъ вызвалъ негодованіе со стороны русскаго правительства и оно тщетно старалось убѣдить правительство Рагузы, что подобные поступки не могутъ способствовать дальнѣйшимъ добрымъ отношеніямъ; между прочимъ русское правительство категорически потребовало вернуть конфискованное судно и по вознагражденіи потерпѣвшихъ убытки купцовъ—наказать главнаго виновника всего недоразумѣнія, Рагузскаго консула. На все это республика отвѣтила полнымъ молчаніемъ, на которое и указалъ гр. Орловъ въ своей конвенціи 1775 года: „...вы самымъ молчаніемъ подтвердили поступокъ несправедливый, оскорбительный и насильственный, чрезъ то подверглись справедливому негодованію непобѣдной Августѣйшей нашей Монархини, по отношенію къ интересамъ которой поступили столь враждебно“¹⁾.

Прибытіе русской эскадры въ Архипелагъ сильно взволновало рагузское правительство. По мнѣнію нѣкоторыхъ сенаторовъ Россія имѣла скрытое намѣреніе овладѣть Рагузой, какъ

¹⁾ Макушевъ „Матеріалы“.—Composizione nelle vertenze tra la Republic di Ragusa e la Russia, Segnata a Livorno dal c-te Orlow nel 1775. Стр. 21.

удобной базой, а послѣдовавшія затѣмъ событія еще болѣе укрѣпили это мнѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось общимъ ¹⁾).

Встрѣтивъ въ Архипелагѣ множество Рагузскихъ судовъ, гр. Орловъ велѣлъ ихъ захватить, считая ихъ враждебными по отношенію къ Россіи. Моряки съ захваченныхъ судовъ прямо показали, что перевозили военные припасы изъ Александріи въ Константинополь, и при освидѣтельствованіи трюмовъ захваченныхъ судовъ въ нихъ запасовъ оказалось достаточное количество. Виновность была на лицо, но шкипера оправдались тѣмъ, что они были вынуждены поступать такимъ образомъ и что принудителями являются Турки. Въ этомъ, повидимому, была доля правды, такъ какъ нѣкоторые изъ документовъ вполне устанавливаютъ наличность вышеупомянутаго принужденія. Такъ, рагузскій консулъ въ Смирнѣ И. Г. Огмукіевичъ доноситъ изъ мѣста своей службы рагузскому правительству слѣдующее: „Симъ.....²⁾ покорнѣйше доношу Вашимъ Превосходительствамъ, что здѣшной векиль³⁾ капитана Паши присылалъ просить меня, чтобы я ему далъ въ наемъ одинъ нашъ корабль для отвозу въ Константинополь разныхъ плодовъ и провизіи, на кои имѣлъ онъ комиссію отъ Терсане Эмины для Капитана Паши и для него самого, и для препровожденія коихъ присланъ былъ сюда одинъ саушъ капитанъ Папинскій. Я разнообразно старался избавиться отъ таковаго требованія, но мнѣ невозможно было, ибо помянутый саушъ, встрѣтившійся случайно съ нашимъ капитаномъ Николаемъ Рустаномъ, съ коимъ онъ былъ прежде сего знакомъ, сказалъ ему, что онъ имѣетъ нужду нанять его судно до Константинополя. Послѣ такого.....⁴⁾ разговора отъ⁵⁾ векиля была повторена ко мнѣ просьба въ томъ, чтобы я доставилъ ему судно Капитана Рустана для того, что помянутый саушъ его зналъ и въ разсужденіе дружбы съ удовольствіемъ желалъ бы ѣхать съ нимъ въ Константинополь.

Не имѣя правильныхъ причинъ.⁶⁾ ибо въ семь портъ было много порожнихъ судовъ, я отказомъ моимъ на повторенную просьбу далъ бы ему поводъ къ подозрѣнію, для избѣжанія коего я лучше избралъ, съ крайнимъ хотя моимъ прискорбіемъ, согласиться на его требованіе и по-

¹⁾ Сообщаетъ Макушевъ согласно съ найден. имъ: „Alcune notizie intorno ad Antonio Aletti Natali segr. della republ. di Ragusa. Рукоп. Франциск. биб. № 266, стр. 721—722. См. прилож.

²⁾ Неразборчиво.

³⁾ Намѣстникъ.

^{4), 5)} Неразборчиво.

⁶⁾ Неразборчиво.

мянутый капитанъ вчера уѣхалъ въ Константинополь. О семь доношу“ и т. д. ¹⁾ 15 окт. 17...

Хотя фактъ, описываемый въ этомъ донесеніи происходилъ нѣсколько позже разыгравшихся событій, однако изъ содержанія донесенія видно, что Турецкое Правительство часто находило возможнымъ ставить рагузскихъ консуловъ въ такое положеніе, при которомъ эти послѣдніе не были въ состояніи отказать просьбамъ, тѣмъ болѣе, что просьбы эти весьма близко граничили съ требованіями. Весьма возможно, что и шкипера захваченныхъ гр. Орловымъ судовъ имѣли основаніе считать себя невиновными по отношенію къ Россіи, ссылаясь на принужденія и насилія со стороны Турецкихъ властей.

Не надо, впрочемъ, думать, что нарушеніе нейтралитета со стороны Рагузы практиковалось исключительно въ вышеописанной формѣ. Такъ, при осадѣ крѣпости Корона ²⁾ было захвачено много рагузскихъ судовъ, причемъ съ достовѣрностью было дознано, что матросы съ этихъ судовъ были въ крѣпости Корона во все время осады этой послѣдней и принимали активное участіе въ оборонѣ, управляя стрѣльбою изъ орудій. Такой образъ дѣйствій оказался слишкомъ вызывающимъ по отношенію къ Россіи и не могъ быть незамѣченнымъ, что и выразилъ впослѣдствіи гр. Орловъ въ слѣдующихъ словахъ конвенціи 1775 года.

„будучи нами положительно дознано непріязненное расположеніе вашей Республики къ главнымъ цѣлямъ Августѣйшей Императрицы Нашей и имѣя право считать Республику нашимъ непріателемъ и союзницей нашихъ враговъ, такъ какъ правительство, которое должно и можетъ воспрепятствовать дѣйствіямъ своихъ подданныхъ и этого не дѣлаетъ, становится по международному праву отвѣтственнымъ за эти самыя дѣйствія, кои съ тѣхъ поръ считаются дѣлами общественными, а не частными; такимъ образомъ, если Республика заслужила негодованіе нашей Августѣйшей Государыни, то мы въ качествѣ ея уполномоченныхъ считаемъ себя вправѣ обращаться съ вами непріязненно“ ³⁾.

Все это было поставлено на видъ Республикѣ и находилось въ конвенціи гр. Орлова, заключенной съ Рагузой въ Ливорно въ 1775 году. Еще за долго до заключенія этой конвен-

¹⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Акты о Рагузѣ.

²⁾ Макушевъ „Матеріалы“... Стр. 21.

³⁾ Макушевъ. „Матеріалы“—„Composizione nelle vertenze tra la Republica di Ragusa e la Russia, segnata a Livorno dal C-te Orlow nel 1775“. Стр. 23.

ции рагузское правительство, чувствуя, что отношенія между нимъ и Россіей постепенно обостряются, всячески старалось загладить прошлое и съ этою цѣлью предприняло цѣлый рядъ дипломатическихъ дѣйствій, направленныхъ исключительно на то, чтобы замять недоразумѣнія и возстановить прежнія добрыя отношенія къ нему Россіи.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было стараніе Сената Рагузы расположить въ свою пользу Австрійскій Дворъ— для достиженія чего были использованы всѣ имѣвшіяся въ рукахъ рагузскихъ дипломатовъ средства, до поднесенія даровъ включительно. Въ числѣ этихъ послѣднихъ наибольшую цѣнность представлялъ костюмъ Стефана II короля Венгерскаго, принятый Австрійскою Шацкамерой очень благосклонно. Пока подносились подарки, Иосифъ Гондола, рагузскій посланникъ въ Вѣнѣ, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы склонить Марію Терезію стать на защиту злополучной Рагузы и ходатайствовать въ пользу ея передъ русскимъ дворомъ¹⁾.

Желаніямъ Рагузскаго Сената не суждено было осуществиться: по поводу польскихъ дѣлъ отношенія между австрійскимъ и русскимъ дворами были настолько холодны, что Марія Терезія не нашла возможнымъ входить въ какія нибудь сношенія съ Россіею по поводу Рагузы и ея критическаго положенія.

Видя бесполезность хлопотъ при австрійскомъ дворѣ, Сенатъ рѣшилъ дѣйствовать прямо. Въ 1771 году онъ послалъ въ Россію своего сенатора гр. Франческо ди Ранина, снабдивъ его весьма широкими полномочіями, чтобы ходатайствовать предъ Ея Императорскимъ Величествомъ за республику. Въ числѣ прочихъ порученій, Ранинѣ отдано было письмо Сената, адресованное гр. Панину и заключавшее въ себѣ слѣдующее:

„Особливое почтеніе, которое съ толикаго времени сія Республика имѣла честь оказывать Императорской Россійской коронѣ, обязало оную отправить теперь къ сему двору посланныхъ двухъ сенаторовъ Марино Франческо ди Тудази и Франческо Савино ди Ранина. Единственной и важнѣйшей причиной ихъ посланки было желаніе наше изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ имѣвшееся къ вышерѣченной Императорской коронѣ всей Республики глубочайшее почтеніе и благоговѣніе. Когда будутъ оныя имѣть счастье то совершенно исполнить, мы почтемъ себя совершенно благополучными и довольными, нашедши въ Импе-

¹⁾ Макушевъ. „Матеріалы для ист. диплом. снош. Россіи съ Рагуз.“ Стр. 24.

раторскомъ сердцѣ милосердіе и человѣколюбіе, особливо отличавшіе Всемилостивѣйшую Всероссійскую Самодержицу. Ваше Сіятельство, будучи въ столь знатномъ мѣстѣ и близъ трона можете много способствовать исполненію нашихъ совершенныхъ и искреннихъ желаній въ полученіи императорской милости и благоволенія.¹⁾

Въ путешествіи гр. Ранину сопровождали два рагузскихъ дворянина. Одинъ изъ нихъ Тудази умеръ вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ; что же касается другого, то по имѣющимся отрывочнымъ объ немъ свѣдѣніямъ, онъ помѣшался черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Россію²⁾.

О тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали необходимость отправить въ Россію посольство, самъ гр. Ранина говоритъ на нѣсколькихъ страницахъ своихъ *мемуаровъ* слѣдующее: „30-го окт. 1770 г. Рагузскій консулъ въ Ливорно сообщилъ республикѣ, что 3 рагузскихъ корабля, захваченные русскимъ флотомъ, были приведены въ этотъ портъ и что Его Сіят. гр. Орловъ передалъ ему черезъ своего секретаря, что Ея Императорское Величество Самодержица Всероссійская, считая республику своимъ врагомъ, отдала приказаніе своей эскадрѣ захватывать все рагузскіе корабли и пошлетъ даже свои суда бомбардировать городъ.³⁾“

Послѣ такого вступленія Ранина переходитъ къ перечисленію тѣхъ причинъ, которыя вызвали неудовольствіе русскаго правительства и старается взвѣсить ихъ, чтобы опредѣлить степень ихъ вліянія на текущія событія. Одною изъ главныхъ причинъ онъ считаетъ поведеніе рагузскаго консула въ Генуѣ, выразившаго протестъ Генуэзской республикѣ по поводу вооруженія торговаго русскаго судна. Второй причиной, по мнѣнію Ранины, является предосудительный образъ дѣйствій рагузскихъ судовъ, занимавшихся перевозкой военныхъ припасовъ въ Константинополь.

Вполнѣ сознавая достаточность этихъ фактовъ для того, чтобы вызвать неудовольствіе русскаго правительства, Ранина старается обставить дѣйствія республики такими условіями, которыя смягчали бы, до нѣкоторой степени, непріятное впечатлѣніе. Такъ, по мнѣнію Ранины, консулъ въ Генуѣ вынужденъ былъ протестовать по поводу вооруженія русскаго судна вслѣдствіе упорно циркулировавшихъ слуховъ, что именно данное

¹⁾ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Акты о Рагузѣ.

²⁾ Сообщаетъ Макушевъ. Стр. 25, прим. 33.

³⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Акты о Рагузѣ.

судно приметъ участіе въ бомбардировкѣ Рагузы. Что касается многочисленныхъ нарушеній нейтралитета подвозкою въ Константинополь военныхъ припасовъ, то это Ранина старается объяснить постояннымъ желаніемъ Республики не прерывать торговыхъ сношеній, которыя являлись единственнымъ условіемъ ея существованія. „Тревога“ пишетъ дальше Ранина, „возникшая въ Сенатѣ изъ за слѣдовавшихъ одна за другою новостей была тѣмъ болѣе чувствительна, что онъ, Сенатъ, не чувствовалъ себя виновнымъ ни въ какомъ поступкѣ, который могъ бы привлечь на него гнѣвъ Ея Императорскаго Величества“. Не чувствуя себя виновнымъ ни въ какомъ отношеніи передъ русскимъ правительствомъ, Сенатъ, тѣмъ не менѣе, по словамъ Ранины, нашелъ необходимымъ послать въ Петербургъ одного изъ своихъ членовъ, чтобы выяснитъ печальное недоразумѣніе. Сенатору поручено было: „дать Ея Величеству самыя торжественныя увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи къ ней Сената и протестовать въ томъ, что республика никогда не давала ни прямо, ни косвенно никакой ни помощи ни поддержки врагамъ Ея Императорскаго Величества и что, если вопреки намѣреніямъ и приказаніямъ Сената нѣсколько частныхъ подданныхъ республики предприняли нѣчто противное тому поведенію, которое она сама себѣ предписала—она ихъ порицаетъ, готова даже ихъ наказать и такимъ образомъ дать Ея Императорскому Величеству всѣ удовлетворенія, которыя будутъ во власти республики“.

Кромѣ того, изъ мемуаровъ графа видно, что онъ долженъ былъ просить Императрицу отмѣнить послѣдствія угрозъ, слѣданныхъ гр. Орловымъ, а также освободить тѣ суда республики, которыя были захвачены за все время пребыванія русскаго флота въ Архипелагѣ ¹⁾).

Съ такими сложными порученіями долженъ былъ явиться гр. Ранина къ русскому Двору.

По прибытіи въ Петербургъ графъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе явиться тотчасъ къ гр. Панину, такъ какъ внезапная болѣзнь на нѣкоторое время приковала его къ постели.

По выздоровленіи, Ранина немедленно поѣхалъ къ Панину, вручилъ ему письмо Сената и просилъ объ аудіенціи у Императрицы, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы его приняли, какъ посланника.

¹⁾ Ibid.

Панинъ обѣщаль хлопотать объ аудіенціи, но что Ранина посланникъ—съ этимъ онъ не согласился, находя это не соответствующимъ съ характеромъ и содержаніемъ письма присланнаго Сенатомъ ¹⁾).

Такъ какъ Ранина настаиваль на своемъ требованіи, то между сенаторомъ и министромъ разгорѣлся споръ, принявшій въ концѣ концовъ такую форму, что оказалъ отрицательное дѣйствіе на успѣхъ переговоровъ.

Черезъ своего секретаря гр. Ранина писалъ гр. Панину ²⁾):

„Исполненный желанія поскорѣе выполнить передъ Ея Императорскимъ Величествомъ приказанія, коими снабдила меня республика, я подчинюсь съ почтеніемъ всѣмъ формальностямъ, кои будутъ предписаны до того момента, когда буду имѣть счастье приблизиться къ Августѣйшей Государынѣ“.

„Однако „пишетъ Ранина“ оставляю себѣ свободу представить Вашему Сіятельству слѣдующее: Республика Рагузская имѣетъ съ незапамятныхъ временъ право делегировать къ европейскимъ дворамъ членовъ своего Сената съ характеромъ пословъ, которые пользовались всюду отличіями этого званія“.

Въ доказательство этихъ словъ, Ранина приводитъ дальше историческіе примѣры такихъ посольствъ: во Франціи, Испаніи и т. д. Если же при русскомъ дворѣ онъ не можетъ быть принятъ, какъ посланникъ—то въ этомъ онъ усматриваетъ нѣкоторое дурное предзнаменованіе, какъ для самого себя, такъ и для успѣха того дѣла, ради котораго онъ прибылъ въ Петербургъ.

Предоставимъ самому Ранинѣ рассказать часть послѣдовавшихъ затѣмъ событій. Въ донесеніи рагузскому сенату изъ Петербурга онъ пишетъ:

„Въ четвергъ 27-го минувшаго февраля послалъ я своего секретаря къ его Сіят. гр. Панину.... (далѣе слѣдуетъ извѣстное уже описаніе начала спора, которое опускаемъ).

„На это мнѣ графъ Панинъ отвѣчалъ: „что де въ письмѣ, которое имѣете, не видно характера посланника, но легата, которое слово принадлежать можетъ и до резидента и для того-то Государыня вознамѣрилась принять Васъ, такъ, какъ принимаетъ резидентовъ коронованныхъ государей.... Къ тому же

¹⁾ См. выше.

²⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Акты о Рагузѣ.

ми сказали, что въ Вѣнѣ и Пруссіи Вы не допущены были на приватную аудіенцію“.

Эти слова гр. Панина очевидно сильно взволновали г. Ранину, на что указываетъ тонъ дальнѣйшихъ строкъ донесенія:

„на что я не обинуясь, отвѣчалъ: я не такой человекъ, чтобы мнѣ лгать предъ Вашимъ Сіятельствомъ, и если вы не вѣрите мнѣ, что я имѣлъ приватную аудіенцію въ Вѣнѣ и Берлинѣ и что я вручилъ въ собственныя руки аккредитивы государямъ тамошнимъ—то я могу представить себѣ отъ тѣхъ мѣстъ о томъ... документы подлинныя“.....¹⁾.

Разговоръ сталъ принимать рѣзкій оттѣнокъ и гр. Панинъ успѣшилъ успокоить Ранину: „тогда онъ благопріятно мнѣ говорилъ, что мнѣ совсѣмъ вѣрить и не по что де мнѣ совершенно беспокоиться. Послѣ сего я продолжалъ, что если бы республика меня аккредитовала резидентомъ—то я не былъ бы такъ дерзостенъ никогда нарушать этикету, но какъ я одобренъ характеромъ какъ посланникъ—то нельзя не быть чувствительнымъ, какъ республикѣ, такъ и мнѣ, то, чтобы видѣть непринятымъ сей титулъ и чтобъ отказано мнѣ было въ той чести, которую уповаю, я заслужилъ. Слово же „legatus“—по латыни значить точно „посланникъ“, ибо встарину не было различія ранговъ, слѣдовательно, не значить иное слово „резидентъ“, который титулъ, если бы захотѣла республика мнѣ дать, то бы написала въ латинскомъ титулѣ „residentem“ а не посланникъ²⁾. Продолжаясь такимъ образомъ, споръ могъ бы затянуться на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что съ обѣихъ сторонъ, повидимому, не было недостатка въ упорствѣ... однако словопренія быль положенъ конецъ тѣмъ, что гр. Ранина была предложена аудіенція, съ категорическимъ отказомъ видѣть въ немъ посланника, какъ того онъ хотѣлъ.

Неудовлетворенный этимъ и совершенно отчаявшійся въ успѣхѣ дѣла сенаторъ собрался въ обратный путь, когда ему изъ Министерства Ин. Дѣлъ былъ присланъ обычный подарокъ въ 1000 червонцевъ. Ранина отказался отъ этихъ денегъ, говоря, что они по обычаю подносятся уѣзжающимъ посланникамъ, а такъ какъ за все время пребыванія его въ Россіи его за такового не считали, то онъ не видитъ съ своей стороны никакого права воспользоваться предлагаемымъ подаркомъ³⁾.

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Макушевъ „Матеріалы“. Стр. 24.

Поѣздка гр. Ранины въ Петербургъ не имѣла никакого успѣха; если ему и было кое что обѣщано, то все же эти обѣщанія носили очень платоническій характеръ, развязка же всего дѣла оставалась въ рукахъ гр. Орлова. Этотъ послѣдній остался на зиму въ Италіи и эскадра его бросила якоря въ водахъ, омывавшихъ владѣнія Великаго Герцога Тосканскаго — обстоятельство, которымъ не замедлили воспользоваться рагузскіе дипломаты.

Дружба между герцогомъ Тосканскимъ и гр. Орловымъ допускала возможность нѣкоторыхъ соглашеній между ними — это рагузскій Сенатъ не хотѣлъ упускать изъ виду, находясь въ увѣренности, что герцогъ сумѣетъ убѣдить гр. Орлова оставить Рагузу въ покоѣ. Питая такія надежды, сенатъ составилъ письмо къ Его Святѣйшеству Папѣ Клименту XIV, въ которомъ умолялъ ходатайствовать за республику передъ Герцогомъ Тосканскимъ Петромъ Леопольдомъ.

Папа не обманулъ ожиданія рагузинцевъ и результатомъ ихъ просьбъ было письмо къ Петру Леопольду слѣдующаго содержанія: Возлюбленному въ Христѣ Сыну Нашему — здравіе и Апостольское благословеніе. Мы извѣстились, что Рагузская Республика находится въ большой опасности по случаю войны Россіи съ Турціей и что ей нанесено уже много убытковъ всеначальниками русскими, угрожающими нанести еще большіе. Они негодуютъ на нее за то, что подозрѣваютъ ее въ оказаніи помощи туркамъ. Но она, сознавая безпристрастное свое отношеніе къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, надѣялась наслаждаться миромъ, подобно другимъ націямъ. Когда же ей были сдѣланы внезапныя угрозы, она такъ утрашилась и пришла въ такое замѣшательство, что считаетъ себя на краю гибели, если не удастся ей мольбою укротить негодующихъ“.

„Намъ кажется, что мы не исполнили бы долга“ пишетъ дальше Папа, „если бы отклонились умолять Тебя съ полнымъ довѣріемъ о помощи, дабы избавить отъ гибели и уничтоженія эту католическую націю, къ которой мы по долгу своему питаемъ въ душѣ великое благоволеніе.

Ты бы, конечно, весьма легко могъ помочь имъ, если бы рѣшился замолвить объ нихъ слово передъ командиромъ русской эскадры, находящейся въ Твоихъ владѣніяхъ и весьма многимъ тебѣ обязаннымъ, предъ которымъ Тебѣ стоитъ лишь выразить желаніе, чтобы они были оставлены внѣ опасности ¹⁾.

¹⁾ Макушевъ „Матеріалы“. Рукопись франциск. бібліотеки. Стр. 25.

Однако сочувствіе и покровительство Папы Сенату оказалось еще недостаточнымъ для благополучія республики и онъ опять обратился къ Вѣнскому Двору, гдѣ еще такъ недавно его старанія были безуспѣшны.

Посланникъ Рагузы въ Вѣнѣ Гондола умеръ въ 1773 году и мѣсто его занялъ Діонисій Ремеделли¹⁾.

Еще въ Ноябрь 1771 года Ремеделли, съ разрѣшенія вел. Герц. Тосканскаго, отправился въ Вѣну, чтобы способствовать успѣшному ходу дѣлъ Рагузской республики. Въ январѣ 1775 года порученія ему данныя онъ выполнилъ съ успѣхомъ и собрался обратно въ Пизу, гдѣ ждали его прерванныя лекціи, когда получилъ распоряженіе отъ имени Сената Рагузы оставаться въ Вѣнѣ до окончанія переговоровъ съ гр. Орловымъ. Вскорѣ Ремеделли получилъ новое порученіе просить Вѣнскій Дворъ о посредничествѣ въ этихъ переговорахъ.

Въ донесеніи отъ 28-го февраля Ремеделли писалъ къ Сенату²⁾:

„19 февраля я испросилъ аудіенціи отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ и получилъ вскорѣ оную“.

О самой аудіенціи Ремеделли говоритъ въ нѣсколькихъ строкахъ, что она носила многообѣщающій характеръ въ началѣ: императрица очень благосклонно приняла и письмо отъ республики и увѣренія въ преданности и спросила Ремеделли долго ли онъ пробудетъ въ Вѣнѣ. Ремеделли отвѣчалъ что его пребываніе въ этомъ городѣ связано съ успѣхомъ дѣлъ его отечества и тутъ же выразилъ надежду, что Ея Величество вступится за республику, на что получилъ отвѣтъ въ такой формѣ: „я не могу вмѣшиваться въ это дѣло, а тѣмъ болѣе представлять предъ гр. Орловымъ“³⁾.

Впрочемъ, Ея Величество указала на дружбу герцога Тосканскаго, ея сына, съ Орловымъ и выразила мнѣніе, что сама эта дружба сыграетъ свою роль въ дѣлѣ полного примиренія.

Все таки общее впечатлѣніе отъ аудіенціи оставалось благопріятнымъ и объ этомъ Ремеделли написалъ гр. Ранинѣ 20-го числа—написалъ съ тою цѣлью, чтобы дать ему опору въ его дипломатическихъ переговорахъ.

1) Ремедели профессоръ богословія въ Пизѣ.

2) Макушевъ „Матеріалы“ изъ: Vint una lettera autografe de P. Dionisio Remedelli indirizzata alla Serenissima Republica di Ragusa. Рукопись французск. библиот. № 1033. Стр. 28.

3) „Io non sono al caso“, rispose sua Majestà „di potermi ingerire in tal'affare, e molto meno d'interpormi presso il conte Orlow“.

Неизвѣстно какое впечатлѣніе произвело это письмо на Ранину, который въ это время находился уже въ Пизѣ у гр. Орлова, но отвѣтное письмо графу Ремеделли полно жалобъ на то, что въ Пизѣ не желаютъ исполнить и десятой доли того, что обѣщали въ Петербургѣ, и что графъ Орловъ выставилъ 2 категорическихъ требованія: 1) принятія въ Рагузу русскаго консула, 2) постройки въ Рагузѣ православнаго храма. И то и другое, по мнѣнію гр. Ранины, грозило гибелью для Рагузы. Онъ говорилъ, что надо убѣдить республику въ слѣдующемъ: Рагуза должна просить императрицу Австрійскую написать письмо, въ которомъ бы отклоняла ее отъ намѣренія позволить греко-схизматикамъ построить церковь, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться Ея Величества покровительства¹⁾.

Предполагалось такъ: Орловъ узнаетъ объ этомъ письмѣ, измѣнить свои условія и отступится отъ требованій.

Ремеделли находилъ планъ Ранины совершенно неисполнимымъ послѣ того, что было сказано Ея Величествомъ на аудіенціи.

Тѣмъ временемъ отъ Сената присылались все болѣе и болѣе сложныя требованія и порученія. Несмотря на малую успѣшность первой аудіенціи Ремеделли было предложено добиваться новой, которая обѣщала также мало успѣха, какъ предыдущая. Весь ходъ дѣла былъ сильно замедленъ путешествіемъ Маріи Терезіи въ Пресбургъ, но и это время Ремеделли не потерялъ даромъ. Онъ успѣлъ склонить на свою сторону Австрійскихъ министровъ кн. Кауница, бар. Биндера и бар. Шпергазе. Биндеръ совѣтовалъ приготовить къ пріѣзду императрицы записку, въ которой подробно изложенъ былъ бы предметъ просьбы. Соглашаясь съ Ремеделли, что помощь республикѣ необходима, Биндеръ убѣждалъ его просить у Маріи Терезіи только личной помощи, такъ какъ другая, въ виду натянутыхъ отношеній между Россіей и Австріей, врядъ ли мыслима.

Аудіенцію у Императрицы Ремеделли получилъ 3-го мая.

Онъ изложилъ предъ Ея Величествомъ содержаніе промеморіи и въ мрачныхъ краскахъ изобразилъ положеніе республики.

Выслушавъ его, Императрица отвѣтила, что новаго онъ ей ничего не сообщилъ, что все это она хорошо знаетъ, что ей,

¹⁾ „Mi soggiunge di aver con un corrier espresso sera di ciò consapevole la Republica e di averle suggerito di ricorrer all'Imperatrice Regina, e di pregarla, voglia scriver una lettera alla Republica per dissuaderla dall'accordare la Chiesa ai Greci sotto pena di rimaner priva dall'Imp—le Sua protezione“.

наконецъ, отъ души жаль республику и она сдѣлала все то, что могла для того, чтобы помочь Рагузѣ.

„Нѣсколько дней тому назадъ“, сказала Императрица, „когда гр. Орловъ, отправившійся въ Пизу, былъ у меня на прощальной аудіенціи—я его увѣщевала убѣдить его брата перестать тревожить несчастную республику. Онъ же надменный, сдѣлавъ два шага назадъ, весьма важно отвѣчалъ мнѣ въ присутствіи посла Голицына: „все кончено, нечего прибавить“. („Egli altiero confar due passi indietro mi rispose pieno di serietà in presenza dell' Ambasciadore Gallitzin: tutto è terminato, nulla viè da aggiungere!“) Воспоминаніе объ этомъ волновало Императрицу и, передавая это Ремеделли, она возбужденно повторила послѣднюю фразу¹⁾. Впрочемъ, Ея Величество обѣщала еще разъ просить Герцога Тосканскаго заступиться за республику.—„Только онъ, только онъ одинъ, можетъ, что-нибудь сдѣлать“, — говорила императрица. Однимъ словомъ, Вѣнскій Дворъ не думалъ о рѣшительномъ шагѣ въ пользу республики, шагѣ, котораго такъ желалъ Рагузскій Сенатъ, и это обстоятельство заставило Ремеделли упасть духомъ. Онъ ни на что больше не рассчитывалъ.

Черезъ нѣсколько дней гр. Ранина прислалъ Ремеделли письмо, еще разъ обнадежившее тѣхъ, которые съ тревогою ждали разрѣшенія опаснаго для Рагузы вопроса.

Ранина писалъ, что гр. Орловъ уступилъ просьбамъ герцога Тосканскаго и отказался отъ второго основного пункта своихъ требованій относительно постройки храма, и если, при помощи дальнѣйшихъ писемъ императрицы герцогъ сумѣетъ отговорить гр. Орлова и отъ перваго пункта, требующаго принятія русскаго консула въ Рагузу—то республикѣ не останется желать ничего лучшаго.

Ремеделли сталъ дѣйствовать со свѣжими силами.

На сцену появилось новое лицо, у котораго республика искала теперь помощи. Это былъ управляющій Вѣнскою нунціатурою Аббатъ Таруффи.

Папскій дворъ былъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Маріи Терезіи, что лишь одинъ герцогъ Тосканскій можетъ вывести Рагузу изъ ея опаснаго положенія. Основываясь на этомъ, папскій Дворъ началъ хлопотать о рагузскихъ дѣлахъ сначала во Флоренціи, а затѣмъ черезъ Таруффи въ Вѣнѣ.

¹⁾ Донесенія Ремеделли Сенату. Макушевъ, „Матеріалы“.

Въ донесеніи отъ 1-го Іюня ¹⁾ Ремеделли пишетъ, что Таруффи предложилъ ему свои услуги, ссылаясь на предписаніе отъ Папскаго Двора. На аудіенціи Ремеделли старался выяснитъ насколько полезенъ можетъ быть аббать, и на вопросы въ этомъ направленіи Таруффи отвѣтилъ тѣмъ, что показалъ письмо отъ кардинала ст. секретаря, содержащее слѣдующія выраженія: „Его Святѣйшеству весьма желательно, чтобы на землѣ Рагузы не было введено еретическое богослуженіе, что поэтому Таруффи поручено содѣйствовать министру республики въ стараніяхъ его воспрепятствовать съ помощью Вѣнскаго Двора введенію таковаго богослуженія“.

Выслушавъ содержаніе письма, Ремеделли сказалъ, что вопросъ о греческой церкви въ Рагузѣ уже рѣшенъ, что гр. Орловъ согласился на убѣжденія герцога Тосканскаго и отказался отъ своего требованія, но республика ждетъ отъ Таруффи помощи другого рода, именно по вопросу о русскомъ консульствѣ въ Рагузѣ.

Отъ участія въ этомъ дѣлѣ Таруффи наотрѣзъ отказался, оправдываясь тѣмъ, что не имѣетъ инструкцій изъ Рима, которыя уполномочивали бы его на вмѣшательство въ подобные, чисто политическаго свойства, вопросы. Впрочемъ, желая загладить неприятное впечатлѣніе, произведенное его категорическимъ отказомъ, аббать посоветовалъ Ремеделли не отказываться отъ учрежденія русскаго консульства въ Рагузѣ, говоря, что отказъ этотъ повлечетъ за собою дурныя послѣдствія для республики. Затѣмъ Таруффи сказалъ еще нѣсколько успокоительныхъ словъ, изъ которыхъ Ремеделли могъ заключить только одно, что Таруффи ничѣмъ не можетъ помочь республикѣ.

Насколько встревожена была республика своимъ опаснымъ положеніемъ, можно видѣть изъ того, что сенатъ ея старался склонить на свою сторону всякаго, кто по его мнѣнію, такъ или иначе могъ принести ему пользу въ примиреніи съ Россіей. На этой почвѣ произошелъ слѣдующій фактъ, указывающій на нѣкоторую растерянность рагузскаго правительства.

Въ 1767 году въ Черногоріи появился нѣкто Степанъ Малый, называвшій себя Петромъ III ²⁾. Рагузскій Сенатъ сразу,

¹⁾ Макушевъ. „Матеріалы“...

²⁾ Степанъ Малый—лже Петръ, Петромъ себя не называлъ, но таково было общее убѣжденіе черногорцевъ. Степана не надо смѣшивать съ Степаномъ Зановичемъ (см. Ровинскій: Степанъ—Анибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII ст.). О Степанѣ Маломъ Яцимирскій: Лже Петръ III у Черногорцевъ. Историч. Вѣстникъ.—1900—1908.

обратившій вниманіе на Степана Малаго сдѣлался свидѣтелемъ слѣдующихъ событій:

Въ 1770 г. прибылъ въ Черногорію князь Долгорукій и началъ съ того, что посадилъ Степана на цѣпь, затѣмъ по неизвѣстнымъ Сенату причинамъ, освободилъ Степана, наградилъ и призналъ Черногорскимъ княземъ.

Съ этого момента у Сената не оставалось больше сомнѣній, что Степанъ—русскій, и притомъ особа очень вліятельная. Желая добиться его расположенія, сенаторы стали аккуратно посылать ему подарки: свѣчи, сахаръ, кофе, вина и т. п.

Сразу сообразивъ въ чемъ дѣло, Степанъ нашель свое положеніе довольно выгоднымъ и сталъ предъявлять Сенату такія требованія, которыя тотъ могъ съ трудомъ выполнить; если же сенаторы медлили съ присылкою требуемаго, онъ посылалъ имъ письма въ такихъ грубыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ, что никто не рѣшался ихъ читать¹⁾.

Сенату онъ причинилъ много хлопотъ прежде чѣмъ рагузинцы убѣдились, что Степанъ самозванецъ.

13-го іюня Ремеделли получилъ письмо отъ Ранины.

Въ письмѣ извѣщалось, что переговоры съ гр. Орловымъ окончены, что нерѣшеннымъ остался лишь вопросъ о консулѣ, но на обсужденіе его назначена одна лишь недѣля, а черезъ 15 дней 28 іюня Ремеделли писалъ Сенату, что миссія его окончена, и такъ какъ переговоры съ гр. Орловымъ приняли оборотъ дурной для Рагузы, то онъ, Ремеделли, не находитъ нужнымъ оставаться больше въ Вѣнѣ и проситъ отпустить его въ Пизу, гдѣ пустуетъ его кафедра.

Конвенція, заключенная гр. Орловымъ въ Ливорно, показала, что рагузскіе дипломаты и посланный въ Вѣну Ремеделли ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Гр. Орловъ категорически настаивалъ на исполненіи двухъ пунктовъ, касавшихся постройки греческой церкви и принятія русскаго консула въ Рагузу. Изъ приведеннаго выше письма гр. Ранины видно, что гр. Орловъ на время уступилъ просьбамъ Герцога Тосканскаго—пунктъ о постройкѣ греческой церкви былъ повидимому отмѣненъ. Это объясняется лишь временнымъ колебаніемъ гр. Орлова. Въ Ливорно онъ возобновилъ свои требованія въ прежнемъ видѣ и Рагузскому Сенату оставалось только выполнить ихъ, чтобы отказомъ не навлечь на республику еще болѣе печальныхъ событій.

¹⁾ Письма хранятся въ Рагузск. Архивѣ по сообщенію Макушева въ его „Матеріалахъ“.

Въ 1785 году 19 февраля Указомъ Коллегіи Иностран-
ныхъ дѣлъ былъ назначенъ консуломъ въ Рагузу гр. Ант.
Джикка ¹⁾).

16 марта 1788 года былъ составленъ проэктъ патента для
гр. Джикка, въ которомъ Екатерина писала ²⁾:

„Всѣмъ, кому сіе объявляется — наше поздравленіе. При-
нявъ за нужное учредить нашего генеральнаго консула въ рес-
публикѣ Рагузской для защищенія нашихъ подданныхъ, при-
ѣзжающихъ туда по дѣламъ и промысламъ своимъ — избрали
мы въ сіе качество службы нашей канцелярскаго совѣтника
Антонъ Джикка, котораго опредѣляемъ симъ нашимъ Импера-
торскимъ патентомъ, учреждаемъ и постановляемъ его при Рес-
публикѣ Рагузской — російскимъ генеральнымъ консуломъ и
вслѣдствіе того отъ честиѣйшаго ректора и шляхетскихъ сена-
торовъ помянутыя Республики пристойно требуемъ, дабы сей
нашъ канцеляріи совѣтникъ Антонъ Джикка за генеральнаго
консула признаваемъ былъ и допущенъ, какъ сіе возложенное
на него служеніе для пользы дѣлъ подданныхъ нашихъ сво-
бодно и спокойно опредѣлять, такъ какъ и пользоваться всѣми
правами, принадлежащими ввѣренному ему отъ насъ качеству,
каковыми другихъ государствъ генеральные консула въ области
республики пользуются. Обѣщая съ нашей стороны во взаим-
ство въ подобныхъ случаяхъ равное воздавать, когда намъ о
томъ прошеніе учинено будетъ. Во свидѣтельство того мы сей
патентъ собственноручно подписавъ повелѣли утвердить нашею
государственною печатью“.

16-го іюня 1788 года Гр. Джикка пріѣхалъ въ Рагузу.
О томъ пріемѣ, который ожидалъ его въ Рагузѣ узнаемъ изъ
его донесенія отъ 27 іюня. Вотъ что онъ пишетъ ³⁾:

„J'arrivai le $16/_{27}$ du moi dernier a Raguse. Je m'informai
d'abord du ceremonial, qui eut lieu lorsque cette Republique reçut
le consul general de France, qui est ici le seul avec un tel titre,
au quel est joint encore celui de Chargé des Affaires de la même
cour auprès de cette République; c'est ce que j'exigeai, et qui
me fut sur le champ accordé.

D'apres-cela: comme le Recteur de ce mois-la etait fort indis-
posé, j'ai été obligé de differer jusqu'au premier de ce mois-ci,

1) Архивъ Минист. Иностр. дѣлъ въ Москвѣ.

2) Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Акты о Рагузѣ.

3) Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Акты о Рагузѣ. (Орографія
приводимыхъ мемуаровъ сохранена. Многоточіемъ обозначены неразборчивыя
мѣста.

quand le nouveau Recteur est entré en place, pour m'acquitter des actes de ma presentation. Le matin du même jour j'ai envoyé chez Le Recteur l'Actuaire Jampolsky pour lui annoncer mon arrivée, et pour fixer l'heure où je pourrais en forme publique Lui rendre ma première visite. Il le reçut avec distinction et me fit dire en termes les plus obligeants que il étoit prêt à me recevoir à six heures après midi.

Je m'y rendis avec toute la dignité qu'exigeait la fonction dont j'allais m'acquitter, je fus reçu avec toutes les marques de la plus grande distinction. Aux avenues du Palais je trouvai les Gardes de la République sous les armes, avec leurs officiers à leur(s) tête, qui me saluèrent en passant. Après avoir reçu les compliments à ma rencontre je fus introduit dans la Grande Chambre d'audience jusqu'à la porte de la quelle le Recteur vint au devant de moi, revêtu des habits de sa Charge. Après les compliments réciproques nous y retrâmes seuls et allâmes ensuite nous..... vis-à-vis l'un de l'autre; il se couvrit de son bonnet noir et moi de mon chapeau.

Je lui exposai l'objet de ma mission, pour la quelle il témoigna une entière satisfaction de la part(e) de la République, ensuite je le priai de vouloir bien convoquer pour le lendemain le Mineur Conseil (qui est le conseil d'état de cette République) pour être reconnu dans les formes, à quoi il me répondit qu'il le feroit assembler pour le jour suivant, et qu'il enverrait chez moi un des secrétaires de la République pour me faire savoir l'heure où je pourrais m'y rendre et pour en être accompagné en marque de distinction. Peu après le secrétaire vint chez moi et m'annonça en termes les plus polis que le Mineur Conseil m'attendoit le lendemain à dix heures du matin; heure à la quelle le même secrétaire revint et m'accompagna avec les mêmes cérémonies jusqu'au Palais Public; je passai au milieu de presque toute la Bourgeoisie, rangée en haie le long de place pour jouir du spectacle de cette fonction. Je trouvai comme le jour précédent la Garde en parade; la plupart des Sénateurs et de la noblesse y étoit assemblée.

A peine parus-je à la porte du Mineur Conseil qui étoit fermée qu'elle s'ouvrit sur champ et quand je fus introduit dans la grande chambre du dit conseil, la porte en fut d'abord fermée et là je trouvai le Recteur debout sur son tribunal vêtu de la pourpre Rectorale, et n'ayant avec lui que les six Sénateurs, ou Conseillers d'Etat qui composent le Mineur Conseil..... aussi bien que les deux premiers secrétaires.

Après les civilités réciproques je m'avançai et presentai au Recteur la lettre de sa Majesté L'Imperatrice.

Il la reçut avec les marques du plus profond respect et la remit au premier Secretaire. Ensuite je lui rendis celles de M. Le Vice Chancelier et de M. Le Lieutenant-General de Saborovskoi dont jetois chargé.

Après que le Recteur m'eut fait gracieusement signe de m'asseoir on s'assit et moi sur un fauteuil, ou l'on avoit mis pour plus (grand) de distinction un grand et magnifique tapis, je prononçai a haute voix et en langue italienne le discours suivant.

Имѣя честь представиться Вашимъ Превосходительствамъ, ощущаю особенное удовольствіе, котораго не могу скрыть. Самое сіе представленіе подаесть Республикѣ случай признавать меня впредь за особу, несущую званіе консула Ея Императорскаго Величества при Республикѣ Вашей и въ ту же пору доставляетъ мнѣ удовольствіе примѣтить, что Ваше Превосходительство видятъ меня здѣсь благопріятнымъ окомъ.

Вамъ вручаю я надежнѣйшіе залого благоволенія, которое Августѣйшей моею Монархинѣ угодно хранить къ Республикѣ Вашей. Я имѣю ясныя къ тому свидѣтельства отъ стороны Ея Величества, коими вы будете убѣждены, что какъ Ея Величество, такъ и исполнители Монаршей Ея Воли пребываютъ въ расположеніяхъ совершенно соотвѣтствующихъ вождѣленіямъ Сіятельнаго Сената.

Чистосердечнѣйше участвуя въ удовольствіи Вашемъ, со-радуясь купно съ Вами о счастливыхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ сего проистекуть къ вящему благосостоянію вашей націи. Почту себя благополучнымъ, ежели при прохожденіи моего служенія поступки мои тому споспѣшествовать могутъ. Сіе будетъ первымъ вниманія моего долгомъ. Я надѣюсь ваши Превосходительства поведеніемъ моимъ будете довольны и меня почтите вашими милостями“¹⁾.

Le Recteur y repondit par un autre où il exprima la joie infinie, l'excès de la reconnaissance et le comble de la profonde vénération avec les quelles la Republique recevoit la grace aussi précieuse que innapreciable de la haute bienveillance de sa Majeste L'Imperatrice.

Il ettendit sur les exploits eclatants et sur les admirables qualites de son Grand Coeur dont tout l'Univers est aussi étonné

¹⁾ Подлинникъ не сохранился, въ Архивѣ хранится лишь переводъ нѣкогого Леванды, который и приводимъ сохраняя орфографію.

que saisi d'admiration. Il représenta enfin de la manière la plus pathétique les circonstances actuelles de la République, et l'état critique de sa position. Il finit par abandonner le sort, le salut, l'existence même d'un si humble, si petit et si foible Etat à sa Clémence Auguste et à sa Souveraine magnanimité.

Nous nous levâmes, et après les cérémonies accoutumées je fus reconduit par les deux premiers Secrétares jusqu'à la porte du Conseil qu'on ouvrit à l'instant, et je passai au milieu des sénateurs et de toute la Noblesse en robe, qui attendait sous les Portiques.

Je trouvai la Compagnie des Gardes également rangée, et au dé hors le Concours de presque toute la ville. Je fus reconduit par un des dits Secrétares jusqu'à mon Logis, ou (suivant)..... l'usage je lui remis mes lettres Patentes pour qui il les registrât et me les rapportât une heure après ce qui il fit. Ainsi finit cette fonction par la quelle je suis authentiquement reconnue dans le post ou j'ai été nommé par la Souveraine Clémence“.

Le Comte Antoine Gikka, conseiller de Chancellerie et Consul general à Raguse.

Raguse le $\frac{27 \text{ iuen.}}{8 \text{ juillet.}}$ 1788.

Съ первыхъ же шаговъ консульской службы гр. Джикка стало яснымъ для всѣхъ, не исключая и рагузскаго Сената, то обстоятельство, что русскій консулъ старается вести себя такъ, чтобы его поступки не портили добрыхъ отношеній между нимъ и сенаторами. Преслѣдуя такую цѣль гр. Джикка дошелъ до крайности, такъ что взаимное его расположеніе къ сенаторамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ граничило съ нарушеніемъ интересовъ Россіи.

Назначая консула въ Рагузу Екатерина писала Сенату, что надѣется на помощь республики въ снабженіи русскихъ войскъ припасами и провіантомъ, однако на дѣлѣ эта надежда не оправдалась, такъ какъ въ томъ же 1788 году въ Адриатическомъ морѣ были захвачены два рагузскихъ судна, перевозившія турецкій грузъ. Сенатъ извинялся, говорилъ, что это неосторожный поступокъ частныхъ лицъ, обѣщалъ наказать виновныхъ— и дѣло это было оставлено безъ послѣдствій.

Послѣ смерти Екатерины II-й, черезъ два года по вступленіи на престолъ Павла I, нарушенія республикою торжественныхъ обѣщаній въ нейтралитетѣ стали повторяться съ удвоенною силою.

Рагузскія суда открыто занялись перевозкою военныхъ припасовъ изъ Архипелага въ Мальту.

По восшествіи на престоль Павла I полномочный посоль мальтійскаго ордена „балли“ графъ Литта, успѣлъ упросить императора принять титулъ покровителя ордена.

Всѣ государства Европы обѣщали оказать услуги ордену, кромѣ Франціи, флотъ которой на пути въ Египетъ присталь къ Мальтѣ.

Директорія присоединила островъ къ Франціи и назначила пенсію великому магистру Гомпешу, но пріорство ордена объявило Гомпеша предателемъ и передало санъ великаго магистра Павлу Петровичу. Поступокъ Директоріи раздражилъ Павла I и въ немъ она пріобрѣла врага. Своею помощію французскому флоту Рагуза вызвала новое недоразумѣніе между русскимъ правительствомъ и Сенатомъ. Этотъ послѣдній и теперь заявилъ, что онъ тутъ ни при чемъ, что шкипера, дѣйствовавшіе въ разрѣзъ съ принципами республики будутъ наказаны... впрочемъ дѣло на этомъ окончилось.

Вскорѣ Джикка былъ замѣненъ новымъ консуломъ Палладоклисомъ, о которомъ свѣдѣній очень мало, за исключеніемъ инструкціи, данной ему для выясненія цѣли его службы. Въ этой инструкціи между прочимъ говорится, что консулъ обязанъ „доставить вѣрныя и точныя свѣдѣнія о томъ, что токмо можетъ заслуживать здѣсь вниманіе со стороны политическаго состоянія Земскаго Правленія и связей онаго съ сосѣдними областями, особливо же съ Портою Оттоманскою и землями оной къ владѣніямъ Республики рагузской прилежащими; а равно мѣрно не упускать изъ виду и происковъ Вѣнскаго Двора, клонящихся къ привлеченію Рагузы подъ иго Австрійское“¹⁾. Служба Палладоклиса была очень кратковременна, такъ какъ уже въ 1801²⁾ году его смѣнилъ новый консулъ Фонтонъ.

Если графъ Джикка старался поддерживать добрыя отношенія съ сенаторами, то Фонтонъ оказался полной ему противоположностью. Уже въ первые дни своей службы въ Рагузѣ онъ могъ насчитывать у себя много враговъ, а благодаря своей необщительности и раздражительности получилъ въ рагузскомъ обществѣ метафорическое прозвище: „медвѣдь“³⁾.

1) Макушевъ. „Славяне Адриатическаго побережья“.

2) 22-го декабря 1801 года Фонтонъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Рагузѣ.

3) F. Kirschmayer. Das Ende der Ragusäischer Republik. Стр. 33—35.

Приѣхавъ въ Рагузу, Фонтонъ сейчасъ же потребовалъ себѣ отдѣльную квартиру, въ каковомъ требованіи получилъ отказъ, основанный на томъ, что ни одинъ изъ его предшественниковъ не требовалъ отдѣльной квартиры.

Однако онъ продолжалъ настаивать и въ концѣ концовъ получилъ желаемое. Едва его требованіе было удовлетворено, какъ онъ предъявилъ новое: квартира оказалась мало комфортабельной, и чтобы получить помѣщеніе со всеми удобствами онъ писалъ Сенату: „вы хотите представителя Россіи помѣстить въ обстановкѣ не соотвѣтствующей его положенію“... ¹⁾.

Ему была предложена другая, болѣе удобная квартира, которая однако ему не могла понравиться, поэтому черезъ день послѣ переезда онъ писалъ Сенату: „представителя Россіи, вы хотите лишить человѣческаго общества“... Въ этомъ случаѣ Фонтонъ высказывалъ неудовольствіе по поводу отдаленности квартиры отъ центра. Сенатъ не зналъ, какъ ему угодить ²⁾.

Вскорѣ возникъ новый споръ, но уже на иной почвѣ. Когда требованія Фонтонна относительно квартиры были удовлетворены—онъ сталъ добиваться разрѣшенія имѣть капеллу, въ которой могли бы совершаться службы по греческому обряду. Это новое требованіе нѣсколько удивило Сенатъ. Онъ отвѣчалъ, что отъ Фонтонна, какъ католика, ему странно слышать подобныя требованія, что наконецъ въ Рагузѣ нѣтъ ни одного греческаго священника, который могъ бы служить въ капеллѣ требуемой консуломъ.

Но Фонтонъ рѣшилъ не уступать.

Онъ говорилъ Сенату, что по конвенціи заключенной въ Ливорно, греко-восточная церковь должна быть построена въ Рагузѣ, что хотя онъ и католикъ—однако самъ хорошо знаетъ что дѣлаетъ и отъ своихъ правъ отказаться не желаетъ. Въ виду всего этого Сенатъ нашель нужнымъ уступить. Теперь рождался вопросъ о священникѣ.

22-го января 1803 года Сенатъ постановилъ предложить греко-восточному священнику ³⁾ оставить Рагузу и не посѣщать ее на будущее время. Но это рѣзкое рѣшеніе было впрочемъ смягчено 23-го января такъ: „дозволяется старшему священнику греческой вѣры—приѣзжать дважды въ годъ въ Рагузу и оставаться тамъ на 8 дней“ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же. О томъ же см. l'Abbe Paul Pisani: La Dalmatie de 1797 à 1815. Стр. 138—140.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Никодиму Ювановичу.

⁴⁾ Макушевъ. „Матеріалы“. Стр. 43.

Узнавъ о такомъ постановленіи, Фонтонъ немедленно потребовалъ у Сената объясненій и получилъ ихъ въ томъ смыслѣ, что постановленіе 23-го числа не относится къ консульскому священнику, котораго, согласно конвенціи 1775 года, русскій консулъ можетъ имѣть у себя.

Затѣмъ 9 февраля Сенатъ объявилъ, въ видѣ поясненія къ предыдущему рѣшенію, что изгнанію изъ Рагузской области подлежатъ лишь священники, а не монахи греческой вѣры¹⁾ и добавилъ, что ничего не имѣетъ противъ того, чтобы русскій консулъ построилъ у себя капеллу.

Все это не могло удовлетворить Фонтона и въ донесеніи 12/25 февраля онъ сообщилъ министерству все, что считалъ нужнымъ, о поведеніи Рагузскаго Сената, результатомъ чего было категорическое заявленіе, присланное Республикѣ канцлеромъ гр. Воронцовымъ, въ которомъ онъ порицаетъ Сенатъ за его дѣйствія и грозитъ гнѣвомъ Государя Императора.

Всѣ эти событія сильно встревожили Сенатъ. Подъ вліяніемъ угрозы гр. Воронцова, онъ нашелъ нужнымъ уступить всѣмъ требованіямъ Фонтона и онѣ были исполнены въ самомъ непродолжительномъ времени. Боясь, однако, что консулъ пойдетъ въ этомъ отношеніи дальше и что придется исполнить новыя его желанія — сенаторы стали хлопотать въ 1803 году черезъ папскаго агента въ Петербургъ о томъ, чтобы Фонтонъ былъ замѣненъ другимъ консуломъ. Но желаніямъ сенаторовъ не суждено было осуществиться и когда Фонтонъ получилъ изъ Петербурга извѣстія о паутинѣ, въ которую старались его запутать—отношенія между нимъ и Сенатомъ были окончательно испорчены²⁾.

Два пункта конвенціи, заключенной въ Ливорно были выполнены Рагузой и болѣе суевѣрнымъ изъ ея гражданъ оставалось ждать исполненія древняго пророчества Франциска Ассизскаго, которое, впрочемъ, не замедлило наступить.

III.

По Пресбургскому миру 1805 г., на всѣ условія котораго Австрія должна была согласиться въ виду стѣснительнаго ея положенія, Далмація должна была отойти во власть Франціи.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Kurschmayer. Das Ende der Ragusaischer Republ. Стр. 33—35.

29-го января 1806 года, австрійскій начальникъ Бокко-ди-Каттаро баронъ Кавалькабъ издалъ распоряженіе, согласно которому всѣ города, лежащіе по Далматинскому побережью, должны были считать себя съ этого времени подданными Французскаго, а не Австрійскаго Императора. Распоряженіе Кавалькаба произвело непріятное впечатлѣніе на славянскихъ жителей Далматинскаго побережья и вскорѣ всеобщее уныніе стало выливаться въ форму, болѣе угрожающую чѣмъ простое неудовольствіе. Центромъ наиболѣе интенсивнаго волненія сдѣлались прибрежныя области бухты Бокко-ди-Каттаро. Не соглашаясь съ пунктомъ Пресбургскаго мира, жители Бокко сочли за лучшее обратиться за помощью къ русскимъ, предлагая имъ занять ихъ область раньше чѣмъ это успѣютъ сдѣлать французы. Согласно этому рѣшенію была составлена просьба, которая и была подана адмиралу Сенявину, командовавшему русской эскадрой въ Архипелагѣ.

Вполнѣ согласившись съ мнѣніемъ жителей Бокко, и принявъ ихъ просьбу Сенявинъ немедленно сталъ выполнять намѣченный имъ планъ, по которому защита Бокко-ди-Каттаро отъ французовъ была поручена части эскадры, подъ управленіемъ капитана Бели ¹⁾. Пока Сенявинъ вырабатывалъ планъ занятія Бокко, жители его успѣли заключить союзъ съ черногорскимъ владыкой ²⁾ Петромъ Негошемъ, вслѣдствіе чего и бухта Каттаро и близлежащіе города были уступлены австрійцами черногорцамъ. По прибытіи въ Бокко-ди-Каттаро, Бели нашелъ въ черногорцахъ союзниковъ, которые рѣшили дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ противъ французовъ.

Въ то же время Сенявинъ, желая защититъ и Капель-Нуово ³⁾ отправилъ г. м. Пушкина въ Каттарскую бухту, предоставивъ въ его распоряженіе 2 батальона стрѣлковъ и 4 пушки.

Всѣ вышеописанныя дѣйствія русскихъ, а также поведеніе жителей Бокко по отношенію къ французамъ очень подробно изложены очевидцемъ смѣнявшихся событій г. Броневскимъ ⁴⁾. За достовѣрность этого разсказа можно ручаться, такъ какъ подтвержденіе вышеприведенныхъ деталей встрѣчается въ описаніи событій современнаго имъ рагузинца, имя котораго не сохранилось, но записки приведены Макушевымъ, нашедшимъ

¹⁾ Бели.—Адмиралъ русск. флота. Родился въ Англіи въ 17... умеръ въ 1826 г.

²⁾ Петръ Негошъ род. въ 1754 г., управлялъ Черногоріею съ 1770 по 1830 г.

³⁾ См. карту.

⁴⁾ Записки Броневскаго изъ „Матеріаловъ“... Макушева.

ихъ среди хлама францисканской библіотеки въ Рагузѣ. Анонимный рагузинецъ, сообщая о недоразумѣніяхъ между Франціей и Далматинскими городами, прибавляетъ къ описанію г. Броневскаго еще ту подробность, что русская эскадра стала блокировать берега Рагузы и захватывать французскія суда. Подтвержденіе того послѣдняго обстоятельства видно изъ деклараціи, которая была составлена начальникомъ русской эскадры Бели ¹⁾. Вотъ текстъ этой деклараціи:

„Декларация начальника русской эскадры въ Бокко-ди-Каттаро Генриха Бели отъ 2/15 марта 1806 года.

1) Всѣ города и порты по правую и лѣвую сторону Адриатическаго моря будутъ подвержены эскадрой самой строгой блокадѣ.

2) Ни одно судно державъ не можетъ привозить въ блокируемыя мѣста ни военныхъ, ни сѣстныхъ припасовъ, ни другихъ товаровъ, каковыя будутъ конфискованы вмѣстѣ съ судномъ.

3) Таковымъ объявленіемъ, которое достаточно обнаруживаетъ уваженіе, питаемое Императорскимъ Дворомъ къ державамъ нейтральнымъ, мы надѣемся отворотить отъ нихъ тѣ бѣды, коимъ бы они подверглись въ противномъ случаѣ.

Большой ущербъ торговлѣ и коммерческимъ предпріятіямъ, который влекла за собой эта декларація, сильно обезпокоилъ рагузинцевъ; чтобы какъ нибудь выяснить недоразумѣніе Сенатъ нашелъ нужнымъ обратиться къ русскому консулу Фонтону, прося его выяснить для него, Сената, смыслъ нѣкоторыхъ пунктовъ деклараціи. Бели, отвѣчая на ноту Фонтону отъ 8/20 марта, разъяснилъ слѣдующее ²⁾:

1) Отнынѣ до будущаго распоряженія дозволяется нейтральнымъ державамъ свободно вывозить изъ блокируемыхъ портовъ въ порты другихъ нейтрал. державъ всякаго рода товары...

2) Дозволяется нейтральнымъ судамъ возить пассажировъ въ блокируемые порты, соблюдая порядокъ. Багажъ и документы визируются.

3) Нейтральныя суда, обязавшіяся до обнародованія блокады принять грузъ въ блокируемыхъ портахъ, могутъ свободно выйти изъ нихъ и слѣдовать къ мѣсту назначенія, если таковое не занято непріятелемъ...

¹⁾ Рукопись Франциск. библіотеки найденн. Макушевымъ. („Матеріалы“. Стр. 47).

²⁾ Макушевъ. „Матеріалы“. Стр. 48.

Эти разъясненія, повидимому, удовлетворили Сенатъ, потому что дальнѣйшихъ вопросовъ по поводу деклараціи Бели со стороны Рагузскаго правительства не послѣдовало. Да и причинъ дальнѣйшаго неудовольствія не могло быть: разъясненіе Бели, совершенно измѣнившее второй пунктъ вышеприведенной деклараціи 2/15 марта—значительно расширяло свободу дѣйствій Рагузинцевъ.

Извѣстіе о занятіи русскими Бокко-ди-Каттаро въ теченіе этого времени стало беспокоить французовъ. До свѣдѣнія Наполеона дошелъ слухъ и о деклараціи и о фактическомъ обладаніи русскими войсками Бокко-ди-Каттаро.

Первымъ шагомъ съ его стороны для разрѣшенія тревожнаго вопроса было отправленіе въ Бокко-ди-Каттаро 40,000-й арміи, которой по соглашенію съ Австріей было позволено пройти черезъ владѣнія этой послѣдней. Двигаясь къ югу французы неминуемо должны были пройти черезъ область Рагузской республики и пересѣчь ее вдоль, чтобы пройти въ Бокко-ди-Каттаро, а такъ какъ конечный результатъ такихъ дѣйствій казался Рагузскому Сенату очень опаснымъ для цѣлости владѣній республики—то онъ обратился къ адмиралу Сенявину, прося у него посредничества и защиты отъ французовъ.

Сенявинъ, возвращаясь изъ Корчуллы въ Кастель-Нуово, прибылъ въ Рагузу 6-го мая и на основаніи просьбы Сената заключилъ съ нимъ слѣдующій договоръ:

„Какъ только станетъ извѣстно, что французскія войска вступили въ область республики, Рагуза приметъ русскій гарнизонъ, а правительство вооружитъ гражданъ, дабы они воевали вмѣстѣ съ русскими противъ французовъ“¹⁾. Но Сенатъ, почему-то считалъ недостаточнымъ одинъ этотъ договоръ. Для болѣе прочнаго заступничества со стороны Россіи онъ отправилъ письмо къ императору Александру I слѣдующаго содержанія:

„Чрезвычайное великодушіе и челоуѣколюбіе, которое Ваше Императорское Величество благоволили постоянно оказывать нашей Республикѣ, побуждаетъ насъ всепокорнѣйше и всенижайше просить и умолять Васъ, чтобы и впредь Вы не лишали Республику могущественнѣйшаго Вашего покровительства. О семь мы съ особеннымъ настояніемъ умоляемъ Ваше Величество въ настоящее время, когда непобѣдимыя войска Ваши весьма близки къ нашимъ границамъ. И такъ, полагаясь на Ваше покровительство, мы всенижайше умоляемъ и заклинаемъ Васъ

¹⁾ Макушевъ. „Матеріалы“. Стр. 51.

благоволить приказать Вашимъ военачальникамъ не отступать ни мало отъ той особенной милости, каковую Ваше Величество всегда оказывали нашей республикѣ, но поступать съ нами съ тѣмъ же благоволеніемъ, каковое Ваше Величество доказали намъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ и т. д.¹⁾

Повидимому всѣ обстоятельства дѣла указывали на то, что Рагузинцы заключили союзъ съ Россіей, въ дѣйствительности же оказалось нѣчто совершенно обратное—республика и французы оказались союзниками противъ русскихъ.

Впрочемъ, какъ бы ни былъ выгоденъ союзъ съ французами, въ виду численнаго перевѣса ея арміи въ Далмаціи—Рагузинское Правительство нельзя обвинить въ вѣроломствѣ и нарушеніи договора съ Сенявинымъ. Изъ записокъ современнаго событіямъ Рагузинца²⁾ становится совершенно яснымъ тотъ фактъ, что Сенатъ былъ вынужденъ сдать городъ французамъ и что нарушеніе договора произошло отнюдь не по волѣ Рагузинскаго Правительства.

Изъ этихъ любопытныхъ записокъ, имѣющихъ, повидимому частный характеръ и обладающихъ вслѣдствіе этого извѣстной долей безпристрастности, мы видимъ слѣдующее: Сенатъ не сразу предложилъ Сенявину занять Рагузу русскими войсками, чтобы предупредить французовъ. Если изъ этого колебанія и нельзя вывести окончательно, что инициатива помѣщенія русскихъ войскъ въ Рагузъ не принадлежала Сенату, то почти навѣрно можно утверждать, что большая часть сенаторовъ была противъ подобнаго неосторожнаго шага... Всяческими мѣрами сенаторы, составлявшіе оппозицію, старались убѣдить Сенявина не занимать городъ войсками, говорили ему, что шагъ этотъ лишній, что французы обѣщали республикѣ не проходить черезъ ея области...

Однако, пока велись эти переговоры, генераль Молиторъ довель до свѣдѣнія Рагузинскаго Сената, что въ цѣляхъ чисто стратегическихъ ему необходимо пересѣчь съ войсками область Республики, чтобы такимъ образомъ попасть въ Бокко-ди-Каттаро.

Взволнованный Сенатъ отправилъ къ Молитору депутацію изъ двухъ сенаторовъ, снабдивъ ихъ подарками и убѣдительными просьбами, обращенными къ генералу, все содержаніе которыхъ было наполнено убѣжденіями не вступать въ область

1) Письмо найдено Макушевымъ въ Францисканск. библиотекѣ, и онъ полагаетъ, что оно адресовано Александру I, хотя положительно этого нельзя утверждать. Стр. 51—52 „Матеріалы“.

2) Макушевъ. „Матеріалы“. Стр. 53—56.

Рагузы. Опасенія сенаторовъ имѣли довольно серьезное основаніе въ томъ, что, увидѣвъ французскія войска, въ область республики неминуемо вторглись бы безчисленныя толпы полудикихъ черногорцевъ и морлаковъ, нашествіе которыхъ было немногимъ лучше саранчи.

Повидимому, депутація, посланная къ Молитору была на высотѣ положенія, такъ какъ Молиторъ довольно быстро согласился уступить просьбамъ сенаторовъ. Съ этою радостною вѣстью депутація вернулась въ Рагузу и городъ наслаждался нѣсколькими днями спокойствія до 26-го числа.

Въ этотъ день въ полдень прибылъ курьеръ изъ Стона и привезъ съ собою тяжелую вѣсть: французы двигались по направленію къ Рагузѣ. Народъ сталъ волноваться и шумѣть— онъ считалъ себя обманутымъ; дворяне и нобили поспѣшили собрать совѣтъ, и все населеніе съ тревогою ждало ихъ рѣшенія... Результатомъ продолжительнаго совѣщанія было: не предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій и спокойно ожидать наступленія французскихъ войскъ. Для того-же, чтобы русскій флотъ, стоявшій между берегомъ и островомъ Даксою, не былъ захваченъ врасплохъ французами—два сенатора отправились къ русскимъ судамъ и предупредили ихъ начальника о грозящей опасности.

27-го мая въ 9 час. утра, показались французскія войска. Они спускались съ прибрежныхъ горъ въ Омблу и пройдя ее очутились въ предмѣстьѣ города, носившемъ названіе Пилле. Всего ихъ было 800—1000 человекъ подъ командою генер. Лористона.

Жители Рагузы заперлись въ городѣ и черезъ небольшую дверь въ городскихъ воротахъ выслали двухъ сенаторовъ, которые обратились къ Лористону съ вопросами по поводу прибытія его съ войсками, что нарушало данное имъ сенаторомъ обѣщаніе. Лористонъ отвѣчалъ, что все, въ чемъ онъ нуждается—это 500 бутылокъ вина, необходимаго для подкрѣпленія силъ его усталыхъ солдатъ.

Сенатъ не нашелъ возможнымъ отказать ему въ этомъ, не отказалъ также и въ томъ, чтобы пріютить солдатъ въ городѣ. Такимъ образомъ французскія войска очутились въ городѣ и съ этого момента онъ оказался въ ихъ власти. Войдя въ городъ, французы захватили сейчасъ же „di tutta l'artiglieria ben rispettabile e di una prodigiosa quantità di munizione de guerra“...¹⁾.

1) Макушевъ. „Матеріалы“... Стр. 56.

Изъ этихъ записокъ вытекаетъ неизбѣжное заключеніе, что Рагуза вынуждена была сдаться французамъ, проникнувшимъ въ городъ хитростью и захватившимъ въ свои руки все то, чѣмъ можно было защищаться.

На слѣдующій день Лористонъ вывѣсилъ прокламацію, въ которой говорилъ, что французы лишь тогда будутъ считать Рагузу независимой, когда русская эскадра оставитъ берега Далмации и сниметъ блокаду съ ея портовъ¹⁾: „Dichiaro nullamento che l'intenzione della M. S. I. è di riconoscere l'indipendenza e la neutralita di questo stato, tosto che i Russi avranno evacuato l'Albania ex veneta, l'isola di Corfu e le altre isole ex venete, e che la squadra russa lascerà libere le coste della Dalmazia.

Въ этотъ же день Лористонъ конфиденціально сообщилъ русскому консулу Фонтону, что ему слѣдовало бы оставить Рагузу. Собравши свои вещи и, уѣзжая изъ города Фонтонъ обратился къ сенаторамъ: „погодите, мы съ вами еще посчитаемся“²⁾. Какъ было сказано выше Фонтонъ вообще не пользовался положеніемъ Сената и платилъ ему взаимностью, чѣмъ и объясняется вышеприведенная фраза его.

Съ этого момента окончательно рушилась всякая связь Рагузы съ Россіей, а такъ какъ этимъ eo ipso сводился къ нулю договоръ съ Сенявинымъ, заключенный еще 6 мая, то Рагузинцы оказывались въ весьма опасномъ положеніи между двумя воюющими сторонами.

30-го числа мая произошло именно то, чего такъ боялся Рагузинскій Сенатъ: въ Канавле вторглись огромныя толпы черногорцевъ, морлаковъ и боккезовъ. Весь этотъ сбродъ ринулся съ горъ на французскія войска, которыя не были къ этому подготовлены, и потому послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычекъ вынуждены были отступить. Въ слѣдующіе затѣмъ дни французы вынуждены были отступить еще дальше и очутились у горы Бергамо, въ то время, какъ пришельцы съ горъ грабили и разрушали все, что могли. Въ дни 17 и 18 іюня русскія войска, соединившись съ черногорцами и боккезами и придавъ этой толпѣ нѣкоторое подобіе порядка, выбили французовъ изъ ихъ позицій и заставили отступить въ городъ, который, несмотря на отчаянные приступы въ теченіе дня 18-го іюня, все же остался въ рукахъ французскихъ войскъ.

Всѣ старанія русскихъ офицеровъ удержать союзный имъ сбродъ отъ грабежа и разрушенія и спасти хоть что-нибудь—

1) l'Abbé Paul Pisani. „La Dalmatie de 1797—1815. Paris. 1893. Стр. 172.

2) F. Kirschmauer. „Das Ende“...

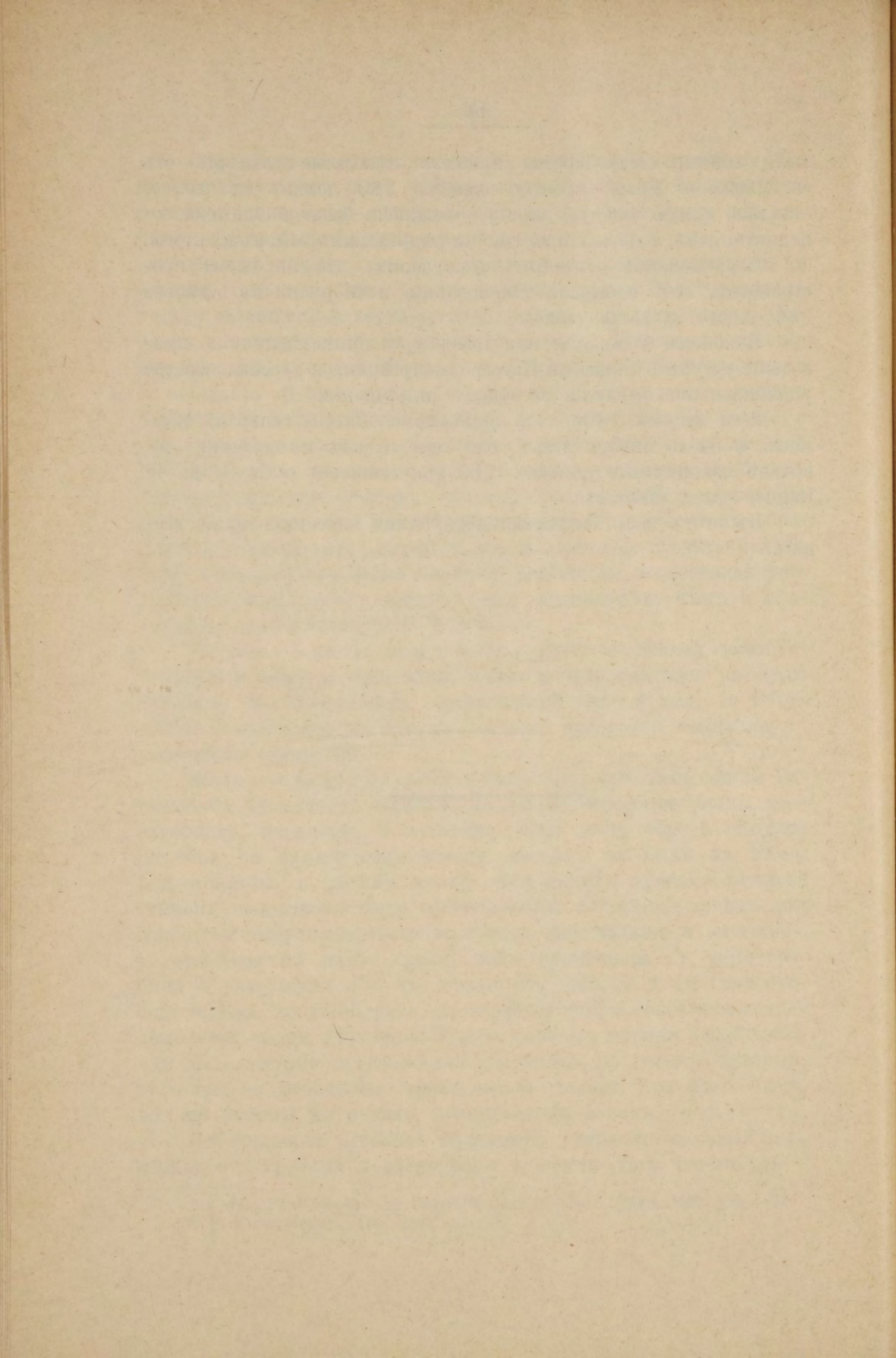
были тщетны. Мародерство приняло стихійные размѣры: отъ св. Якова до Гравозы было сожжено 280 домовъ и, что составляло самую тяжкую утрату,—сожжена была библіотека бенедиктинцевъ, содержавшая тысячи рѣдчайшихъ томовъ и актовъ.

Современники отмѣчаютъ тотъ фактъ, что на всемъ пространствѣ, гдѣ побывали Черногорцы и Морлаки не осталось „ни одного куска желѣза“...

Наконецъ 4-го іюля изъ Петербурга было получено приказаніе уступить Бокко-ди-Каттаро австрійцамъ и русская эскадра удалилась отъ зрѣлища всеобщаго разрушенія.

2-го августа 1806 года прибылъ въ Рагузу генераль Мармонъ, а 31-го января 1808 года онъ отдалъ слѣдующій, довольно лаконичный приказъ: „La gouvernement et le Senat de Raguse—sont dissous“.

Въ этотъ день Рагузская республика перестала существовать.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

*Проект патента для определеннаго Генеральнаго консула
къ Республикѣ Рагузской Канц. Совѣтн. А. Джикка:*

(Архивъ Минист. Ин. Дѣлъ. Москва).

Назначается онъ для попеченія о распространеніи беспрепятственной торговли русскихъ подданныхъ.

Наставленіе:

1) По прибытіи въ Республику Рагузскую предъявить тамошнему правительству свой патентъ, для указанія новаго званія.

2) Сообразоваться съ примѣрами и обрядами дозволяемыми консуламъ другихъ знатныхъ державъ...

Должность служенія имѣеть состоять въ томъ:

1) Чтобы вообще по лучшему Вашему разумѣнію и всѣми силами остерегая Высочайшіе Ея И. В. интересы и дѣла каждому російскому судну, какое-бы оно ни было, военное или торговое—и каждому-же російскому... по службѣ-ли или по собственному промыслу въ Рагузу приходящимъ—оказывали Вы всякое отъ Васъ зависящее пособіе по обстоятельствамъ разныхъ нуждъ и случаевъ.

2) Чтобъ доставили вы сюда безъ потерянія времени вѣрныя и точныя свѣдѣнія какъ о тамошняго края подробностяхъ здѣшнее уваженіе заслуживающихъ, разумѣя тутъ политической составъ правленія земскаго и связь онаго съ сосѣдними областями, а особливо съ Портою Оттоманскаго, такъ и о состояніи торговли тамошняго края, о числѣ знатныхъ купеческихъ домовъ, о торговлѣ ихъ, въ какія земли оная торговля производится, какія произращенія и откуда въ Рагузу привозятся.

Собравъ нужныя свѣдѣнія по всѣмъ симъ статьямъ и узнавъ объ выгодахъ, кои получаютъ тамъ разные европейскіе народы отъ ихъ коммерціи, найдете Вы въ состояніи усмотрѣть и тѣ, кои для здѣшней торговли приобрѣтены быть могутъ, а потому и не оставите представить сюда Ваши усмотрѣнія и

мысли о лучшемъ и выгодномъ устройствѣ и образѣ произведенія нашей торговли.

3) Извѣщать время отъ времени о всѣхъ выдающихся событіяхъ, внутреннихъ учрежденіяхъ и объ успѣхѣ торговли Россійской. Касательно послѣдняго — извѣщать коммерцъ-коллегію...

4) Въ случаяхъ заразительныхъ болѣзней — доносить въ коллегію и министру при Константинопольскомъ дворѣ, для принятія мѣръ предупрежденія на Черноморскихъ берегахъ.

5) Снабдить суда идущія въ Россію нужными свидѣтельствами: кому принадлежитъ, куда идѣтъ, чѣмъ гружено...

6) Чтобы всякіе предосудительныя слухи о здѣшной Имперіи (Россіи) опровергали, а напротивъ того, старались укоренять въ тамошнемъ краю понятія справедливыя о величіи, могуществѣ ея, о выгодахъ, съ каковыми иностранцы, а особливо купцы въ Россіи принимаются, о преимуществахъ и свободахъ, особенно присвоенныхъ Черноморскимъ пристанямъ, а на послѣдокъ и болѣе всего — о Высочайшемъ и Могущественномъ покровительствѣ Е. И. В. ко всѣмъ вообще христіанамъ прибѣгающимъ подъ сѣнь Державы Ея. Таковыя общественныя внушенія могутъ кстати и ко времени укрѣпляемы быть на памятованіемъ того, что въ минувшую у насъ войну съ Турками было...

7) Чтобы во всѣмъ Вашемъ поведеніи относительно до здѣшнихъ подданныхъ слѣдовали Вы Е. И. В. законамъ и изданному въ 1781 году „уставу о водоходствѣ“, коего слѣдуютъ здѣсь 2 экземпляра.

8) Донести о томъ, какія права и преимущества свойственны консуламъ есть на мѣстѣ пребыванія Вашего. Опредѣляются ли они закономъ или договорами съ другими державами или-же установлены временемъ и обычаемъ.

9) Чтобы вообще поведеніе Ваше располагали Вы такимъ образомъ, дабы оное, пріобрѣтая Вамъ въ мѣстѣ Вашемъ личную довѣренность — совершенно соотвѣтствовало достоинству и чести Высочайше Е. И. В. и возложенному на Васъ качеству.

Всѣмъ русскимъ министрамъ и консуламъ при иностранныхъ дворахъ отправлено извѣщеніе о назначеніи Васъ генеральнымъ консуломъ чтобы они могли вступить съ Вами въ переписку.

Для сохраненія тайны въ перепискѣ — прилагается цифровая азбука.

